

Декабря 18 (31)

Священномученик
Фаддей (Успенский),
архиепископ Тверской

Священномученик Фаддей (в миру Иван Васильевич Успенский) родился 12 ноября 1872 года в селе Наруксово Лукояновского уезда Нижегородской губернии в семье священника Василия и жены его Лидии, у которых было семь сыновей и две дочери. Дед владыки был священником, и домашние почитали его как сугубого молитвенника, человека, имевшего глубокую веру и любящее, кроткое и снисходительное сердце. Из всех внуков дедушка больше других любил Ивана, которого называл архиереем. Брат Ивана, Владимир, учился в Санкт-Петербургской Духовной академии, Александр вместе с Иваном – в Московской, куда они поступили в 1892 году после окончания Нижегородской Духовной семинарии.

Иван Васильевич учился в то время, когда ректором академии был архимандрит Антоний (Храповицкий), с которым он сблизился и впоследствии подружился. Архимандрит Антоний во время своего ректорства в академии старался воздействовать на студентов не столько строгостью, сколько личным примером. Он в себе самом являл образец ученого монаха и христианского пастыря без какой-либо напускной мрачности и исключительного аскетизма. Многие студенты поэтому тянулись к нему, чувствуя в нем отца академии, который поможет в вопросах духовных, к которому можно без стеснения обратиться и за материальной помощью.

Конец XIX – начало XX столетия было временем, когда определились все духовные тенденции, явившиеся результатом тысячелетней истории России и последних двухсот лет европейских реформ. И как светская, так и духовная интеллигенция стояла перед выбором – или западноевропейская культура, или российская, уходящая корнями в глубину православия и русской истории. Лицам, предполагавшим принять духовный сан, надо было сделать на путях поиска истины свой выбор, но перед тем стать людьми достаточно просвещенными, чтобы выбор этот был сознательным.

Как-то, собрав студентов после ужина в столовой, архимандрит Антоний стал беседовать с ними. Он рассказал о людях шестидесятых годов XIX столетия, которые, увлекшись "известными идеями и чувствами, выражали недовольство и презрение к существующим в государстве порядкам, были горды и нетерпеливы к мнениям противников, которых называли консерваторами, которые, однако, были людьми более широкими. Аксаков говорил, что нужно вместо либеральных возгласий действительно быть где-нибудь в уезде врачом... и был ими осмеян... Люди шестидесятых годов утверждали либерализм государственно-правовой; напротив, славянофилы говорили, что у народа более достоинства и свободы... утверждали либерализм для личности; таковой сопровождается личным ограничением, имеет корень в борьбе с собою и зиждется на религии. Эту мысль важно помнить педагогам, чтобы не стремиться к расширению прав над учениками, проявляя либерализм лишь в отношении к начальству... но, конечно, нужно помнить, что путь такой труден и есть крест!.."

Удивляло, радовало и поддерживало то, что к ректору можно было прийти по любому вопросу, едва ли не в любое время. Как-то Иван Васильевич решил зайти к отцу ректору, чтобы спросить, к какому духовнику обращаться в трудных случаях.

– Я пришел поговорить о душе, – сказал он, – вроде того чтобы исповедоваться... Во всех аскетических сочинениях говорится о необходимости совета с духовным отцом...

– Обратитесь к отцу Герману, начитанному в аскетической литературе, к нему можно дать записку, – сказал о. Антоний. – А без совета действительно нельзя обходиться, может выработаться односторонность, разве только тому, кто еще, как дитя, незапятнан или по укреплению в духовной жизни не нуждается в совете. Ты ведь, по всему видно, в монахи пойдешь, – заметил вдруг ректор, – да и неудобно учителю без священного сана.

– Его можно принять и после, не принимая пострига, – ответил Иван Васильевич.

Затем он стал говорить о своем самомнении и самопревозношении.

– Ну, да разве это в вас есть? – удивился о. Антоний.

– Да, есть, особенно относительно своего значения среди товарищей.

Отец Антоний стал в ответ описывать виды самомнения, которое проявляется в самоупоении и осуждении других. Иногда и самоуничижение не свидетельствует о смирении – противно природе считать себя менее умным, чем явный дурак, но не нужно упиваться своими достоинствами, должно относиться к рассуждениям других о наших достоинствах и недостатках объективно, как бы речь шла не о нас, желая всегда добра ближним через свой дар Божий, подобно забывающей о себе матери при заботе о детях, упрекать себя за то, что не послужил, как бы мог.

– Но есть ведь и мнимое самомнение, – возразил Иван Васильевич, – когда сравнение себя с другими возникает невольно, подобно тому как невольно может возникнуть хульный помысел на Христа, Божию Матерь, на Крест – и тем более, чем более мы будем бороться.

– А что, тебя нельзя обидеть? – спросил о. Антоний.

– Меня никто не обижал, – ответил Иван Васильевич.

Заговорили о посте. Иван Васильевич сказал, что по внешности он мог бы назвать себя воздержным, но не постящимся, потому что поститься мог только по воскресеньям, так как поститься во время умственных занятий очень трудно. Отец Антоний ответил, что и не нужно, хотя и усвоенных уже привычек не следует оставлять. Далее заговорили об отношении к товарищам. Отец Антоний спросил, где лучше живется – в академии или дома. Иван Васильевич ответил, что в академии. Только близких товарищей в академии почти что и нет, потому что он разговорами о душе интересуется, а это некоторым скучно.

Иван Васильевич пошел посоветоваться к о. Герману, известному старцу, подвизавшемуся в Гефсиманском скиту неподалеку от Троице-Сергиевой Лавры. Отец Герман оказался высоким, благообразного вида старцем с белым лицом, редко улыбающимся. Иван Васильевич назвал себя. Отец Герман, выслушав, спросил:

– Занимаешь ли ты себя, ну например, когда идешь куда-нибудь, мыслями о Боге? Это дело самое главное.

– Стараюсь вспоминать, – ответил Иван Васильевич.

Затем о. Герман спросил, что его смущает, и стал отвечать. Как во внешних науках, говорил он, существует постепенность в научении, так и в духовной жизни, а это ведь уже искусство из искусств, нельзя сразу вскочить на верхнюю ступень, только незрелые мечтают о разных подвигах, вроде долговременных постов и уединения. Не это христианину нужно, потому что при всех этих подвигах человек может остаться фарисеем, главное дело в самоукорении, постоянном напоминании себе о своей греховности. Если нет тяжелых падений, то может быть тонкая брань, и она может погубить человека, если у него нет самоукорения. Нужна постоянная исповедь – открытие зла и перед собой, и перед другими (или товарищами, или духовными отцами). Особенно важно чтение творений святых отцов, которые представляют нам как бы зеркало души. Хороши в этом отношении творения аввы Дорофея, Ефрема Сирина, а также Дмитрия Ростовского и Тихона Задонского, которые есть наши Иоанны Златоусты и Василии Великие. Недостатки других мы скорее видим, чем свои, поэтому прежде всего нужно увидеть свои недостатки. Нужно стараться в других видеть доброе, а причину своих несчастий и бед увидеть в своих грехах. Если придут самолюбивые помыслы, с которыми будет трудно бороться, то лучше всего в этом случае читать шестьдесят девятый псалом.

Отец Герман спросил о планах на будущее. Иван Васильевич ответил, что пойдет или в учителя, или в священники, а к монашеству, пожалуй что, не чувствует склонности. Вообще же, как говорит отец ректор, и он в этом с ним совершенно согласен, нужно не произвольно в монахи идти, а ожидать указания обстоятельств и Промысла Божия.

Во все время разговора, который длился часа полтора, о. Герман говорил о самоукорении, говорил, возвращаясь к этой теме многократно и с разных сторон. Иван Васильевич, отвечая на вопросы о. Германа и сам задавая ему вопросы, касающиеся духовной жизни, старался, чтобы тот его понял, чтобы и вопросы, и ответы не были абстрактными, общими, а касались именно его; самоукорения же во все время разговора не чувствовал ни малейшего. Стал искать причину. "Неужели это оттого, что я как бы бесчувственное существо? Ну что же, в бесчувствии виновен".

К о. Герману в скит Иван Васильевич ходил довольно часто. Однажды о. Герман спросил:

– А вы не идете в монахи? Я, например, ушел двадцати четырех лет.

– Да нет, хотелось бы в учителя, а с сорока лет в священники. Священники ближе к пастве, они все-таки и в домах бывают своих духовных детей, а монахи нет.

– Ну, и монахи могут быть близкими, – возразил о. Герман и спросил: – А что, собственно, вас так устрашает в монашестве, если в монашестве, как и в священстве, одинаково нет развлечений, а только молитва и забота о пастве? Да между прочим и труд священнический иной раз вознаграждается весьма плохо. Поставят два штофа водки да дадут сорок копеек священнику – вот и все вознаграждение, а ему пришлось ехать за двадцать верст. Лучше всего бы тогда идти в город, где определенное жалованье. А вообще-то, – заметил о. Герман серьезно, – лучше бы идти туда, к чему есть призвание.

Учась в академии, Иван Васильевич обустроивал свой внутренний мир, проявляя в этом деле редкостное терпение. Желая знать о себе все в точности, он вел ежедневный дневник. Открывая ему свою душу, он сохранял удивительное целомудрие и утонченно-христианскую деликатность, записывая только то, что

действительно существенно и важно, не позволяя себе в писании о других входить в излишние подробности, которые могли бы кому-нибудь повредить. Нежная душа его, сохранившая детскость и простоту, стремилась лишь к любви к Богу и безупречному исполнению заповедей, и он зорко следил за моментами ослабления этой любви, скорбя об охлаждении и душевной расслабленности, и вновь и вновь обращался за помощью к Богу. Дневник велся ежедневно, и в нем ежедневно подводился итог как внешним делам, так и внутреннему духовному состоянию. Через несколько лет, таким образом, стало возможным сравнить проведенный день с тем, как он был проведен год назад или больше.

Тогда же, в академии, видя, насколько наша плоть угнетающе влияет на дух, он решил как можно строже ограничить себя в потреблении пищи, чтобы не дать возобладать над собою тирании плоти.

Иван Васильевич всячески уклонялся от товарищеских трапез с вином и картами и от веселых академических пирушек, старался выполнить все положенные молитвенные правила, молиться во все время бодрствования и даже беседуя с товарищами; делал он это так, чтобы никоим образом не показать свои молитвенные занятия окружающим, но его душевный настрой все равно ощущался всеми. Он был единственным студентом в комнате, кто не пил вина, со смирением отказываясь от него. Он считал так: поскольку в Священном Писании советуется пить вино исключительно в целях врачебных, "для пользы желудка", а он в этом не нуждается, то и ни к чему его пить. Из-за особенного его поведения, из-за его веры, стремившейся найти свое действительное воплощение в повседневной жизни, возникали сомнительные помыслы, и он шел советоваться о них с отцом ректором.

– Отношения мои с товарищами по академии, а особенно по студенческому номеру, так сложились, что меня почти все любят, иные уважают, и уж во всяком случае не ненавидят; и вот у меня возникает мысль, будто мой образ жизни имеет какое-то поучительное значение. Да и самому трудно избежать мыслей, происходящих от сравнения себя с другими.

– Мыслей сравнительных избежать нельзя, – ответил о. Антоний, – но все, что у нас получается и делается хорошего, все это нужно вменять не себе, а благодати Божией. Себя же во всем укорять, не самоупиваться похвалами и не превозноситься.

– Знаете ли, отец Антоний, я хотел бы еще посоветоваться о своем чувстве, переживаемом мной в состоянии одиночества. Я и хотел бы говорить, особенно с теми, кого люблю, но почти все время удерживаю себя от разговоров, и получается так, что я вроде как удаляюсь от товарищей.

– Не следует удаляться от разговоров и от общения, – сказал ректор, – хотя бы даже и для того, чтобы не возгордиться от своего "подвига". Но нужно открываться тем, кто нуждается в беседе с нами и, прежде всего, в нашем сочувствии.

Постоянные размышления о цели земной жизни, о бренности земного, о средствах достижения жизни вечной захватывали душу и переходили иной раз в область сновидений. Иван Васильевич записывал в дневнике: "3 апреля. Воскресенье. Перед пробуждением видел странный сон – будто бы я недавно умер и вот переживаю состояние души вне тела. Душа моя все время вообще была покойна, а может быть, еще беспечна, не вошла в себя, не поняла своей участи и думает о том, что теперь за условия ее жизни. Она витает по местам, где жила, и думает: что я теперь буду делать доброго и как; когда я была в теле, то

была возможность легко совершать добро, однако, к жизни в теле не чувствовалось желая; плохо, когда успокаивают (хотя и не с этой целью, а не вдумываясь надлежащим образом в сущность загробного состояния) тем, что исправление возможно и по смерти, более истины в словах Макария и говорящих, что по смерти нет раскаяния, возможно облегчение по молитвам Церкви (хотя и это не во всем верно, потому что они также не вдумывались в сущность загробного состояния). Вот, думалось душе, как бы теперь были полезны молитвы за мою душу (хотя в чем польза, не сознавалось); плохо, что во время жизни я не просил молиться и теперь умер внезапно... почувствуют ли близкие, что с моей смертью утратили что-нибудь? На деле я мечтал о связи, что же это за общение с другими вне тела? Однако предчувствовалось, что так едва ли останется, это общение почувствуется не отвлеченно лишь, а живее. Потом я прошел на крыльцо какого-то дома, где, как предположил, происходило погребение...".

Поскольку Иван Васильевич во всем себя ограничивал, особенно же в пище, то, естественно, зачастую переживал нападения от "обеденных помыслов". Он писал в дневнике: "22 апреля. Пятница святой Пасхи. После обедни я был борим обеденными помыслами, а за обедом поработился, по крайней мере, едва бы мог понять об желчи и оцте Владыки... или "Моя пища творити волю Пославшего Меня". На обед пошел спустя несколько минут после звонка и встретил отца ректора с инспектором; последний сказал: "Должно быть, проголодались, Иван Васильевич?" Как противоположна выраженная здесь мысль о беззаботности относительно обедов с моею заботливостью о них! Но, Господи! даждь ми восстати!.. Была всенощная... под конец она не была свободна от обедов; ...тяжело было встречать в сердце нечувствие, особенно потому, что это последняя пасхальная служба вечерняя: жаль расставаться с пасхальным богослужением – оно кажется каким-то величайшим небесным благом, хотя бы и принималось с малочувствием!..".

Самоограничение и борьба с помыслами относительно пищи были иной раз довольно мучительны, и Иван Васильевич как-то записал: "Обеды... но что с ними делать?! Сколько есть силы бороться – частью терпеть... укорять себя... не забывать главным образом о Боге и о том, что жизнь во Христе и любви... Стоял за службой... увы!.. то бросаемый в ужас оттого, что приходят обеденные мысли, и я как бы не различаю, что важнее, обедать ли или (трудно, собственно, сказать) – быть со Христом, то впадал в суетливые помыслы об экзаменах или о слабостях, то в ужас оттого, что стоял за канонем пасхальным, как каменный!.. Пал я и не знаю, как восстать!!! Господи! исцели меня. Ибо нет иной жизни... Нужно бы упомянуть о том, что нередко после обеда находит скорбное настроение, что-де не умею побороть страсти чрева. Но чрево берет свое, невзирая на призрачную скорбь. С одной стороны, что-де не нужно поститься для поста и есть в меру, что-де от неедения возгордишься... не в различении едения и неедения-де дело; с другой – постоянное неумение соблюсти себя во время еды и забытие в это время о хлебе ином. Так трудно соблюсти себя и так редко мера находится... Обеды являются в мыслях и в ненадлежащее время: иногда проснешься, и являются неприятные мысли о том, что до приема в себя пищи и прекращения подвига некоторого (стояния за обедней, чтения) осталось столько-то, а иногда ложишься с мыслями о продолжительности подобных времен и их распределении: не безразличными по временам кажутся дни постные и скоромные и роды пищи: здоровье иногда является двигателем подобных

мысленных родов... Впрочем, да не придаётся этому малому значению великого... да не будет оно важным для жизни, как бы в этом была жизнь... жизнь в Боге и Господе Иисусе Христе все еще так нередко не понимается...".

В глубине души Иван Васильевич принял твердое решение – не жениться, держаться монашеского образа жизни. Как-то в академии во время молебна, который служил о. Михей, собрались многие монашествующие; Иван Васильевич специально присоединился к ним "в той, между прочим, мысли, – писал он, – что мне не нужно удаляться от общества людей столь высоконастроенных, хотя бы оно носило название монашествующих: ведь это люди, живущие жизнью небесной; и если мне придется остаться в мире и выделяться от монашествующих, то как оставить их небесную жизнь? как устроить жизнь самому, – в стороне и не по воле Божией? как... чего Боже сохрани!.. подумать о своих преимуществах и мнимом, как бы осуществившемся совмещении монашеского духа и живой жизни людей, то есть любви к ним деятельной!..".

Иван Васильевич зашел к отцу ректору поговорить о монашестве, поделиться сомнениями: хочет быть учителем, а "учитель без священного сана как бы не призван Богом для учительства пастырского, а только как бы для сообщения знаний".

– Конечно, вы будете монахом, у вас настроение такое, – ответил о. Антоний. – Всякий учившийся в академии призван к учительству, но не принявший монашества, разве может говорить то, что я говорил на лекции по пастырскому богословию?

– От монашества меня удерживает теперь мысль о невозможности тесной связи с пасомыми, – сказал Иван Васильевич.

– Едва ли вы будете в такой тесной связи, как учитель связан с учениками, – ответил о. Антоний.

Беседы о монашестве возникали между отцом ректором и Иваном Васильевичем не единожды.

– Вы есть настоящий, уже готовый монах, – говорил о. Антоний, – вам не принимать монашества – это прелесть дьявольская, дело гордости, не желающей принести себя в жертву Богу, потому что вы, хотя и хотите приносить добро, но по-своему. А перед принятием монашества может быть состояние такое. На многих перед принятием монашества находит страх и смятение, но потом всегда приходит радость и помощь от Бога – обет укрепляет решение. Пастырство вполне может быть соединено с монашеством, можно ходить по домам и стать странствующим миссионером... если вы пойдете в учителя, то не спасете свою душу – не принимающие священства или монашества из окончивших академию грешат против Церкви. Но конечно, если у вас определенное убеждение не идти в монахи, то тогда, конечно, не нужно идти.

– Я от пастырства не отказываюсь и не отрекаюсь, – сказал Иван Васильевич, – но монашество – это еще и особый образ жизни, а выбор образа жизни – это дело свободное, его человек должен избрать добровольно.

В конце концов Иван Васильевич решил готовить себя к отрешению от всего и молить Господа, чтобы Тот показал ему путь, которым подобало бы идти не ослабевая.

Весной, по сдаче экзаменов и окончании курса, Иван Васильевич собрался ехать на каникулы домой в Нижний Новгород. Перед отъездом был обычай заходить к отцу ректору. У него, по обыкновению, было много народа, и

разговоры велись самые разнообразные. Прощаясь, отец ректор, посмотрев на его худобу, шутливо сказал:

– А вы поправляйтесь, будете архимандритом или епископом.

По приезде Ивана Васильевича в Нижний Новгород многие из духовенства и знакомые студенты стали спрашивать, не надел ли он уже клобук и кормят ли чем-нибудь у о. Антония или только духовной пищей.

Дома в Нижнем часто собирались гости, приходил дедушка-священник, Евгений Розов, братья отца. Иван Васильевич читал в ту пору книгу о Иоанна Кронштадтского "Моя жизнь во Христе", и однажды за столом возник разговор о суеверии простого народа относительно почитания о. Иоанна. Отец Василий сказал, что о. Иоанн как раз вчера был в Нижнем Новгороде проездом, он его видел, и ему не понравилось, что о. Иоанн обставил себя декорумом, поставил аналой, положил крест, Евангелие, – разве нельзя молиться не столь открыто? Сын Иван стал горячо возражать:

– Это никакой не декорум, а нельзя ему запирается.

Потом он вспоминал этот разговор. Все бы ничего, но тон его голоса был значительно выше среднего. Можно и таким тоном говорить, но нельзя иметь ни тени раздражения, хотя бы и нервы дрожали.

Дома Иван Васильевич переговорил с отцом относительно выбора пути – не стать ли ему священником. Затем стали говорить о трудностях и особенностях священнического служения, например, если служить в селе или в уездном городе. Поговорили о ежедневном служении. Иван Васильевич спросил отца, есть ли в Нижегородской епархии неженатые священники. Выяснилось, что нет ни одного. Иван Васильевич сказал, что ему все говорят о монашестве.

– Ну что ж, – ответил отец, – монашество дело хорошее, но его нужно принимать обдуманно, зная, что принимаешь его добровольно и навсегда.

– Но в монашестве человек отделяется от людей, так как монах закрыт в стенах монастыря.

– Нет, он не отделен от людей, только он служит людям особым образом.

– Может быть, у меня нет склонности к монашеству, – сказал сын и пожаловался, что нет в нем таланта к общественной деятельности, что он ни в чем не участвует, даже в разговорах, даже находясь в семье, все больше молчит.

– А надо бы входить даже в пустые разговоры, – сказал отец, – со светской барышней, с институткой не будешь говорить о богословии, а надо найти общий предмет разговора.

Прощание с домашними перед отъездом было всегда трогательным. В этот день Иван сказал матери, что при каждом прощании оставляет более, кажется, чем прежде. За обедом говорил с отцом и матерью и братом Александром. Говорил о значении внешних подвигов, особенно связанных с оставлением семьи; для некоторых внешние подвиги есть единственный путь, посредством которого они могут настроиться на религиозные чувства... Спаситель иногда требовал от желающих следовать за Ним немедленного оставления дома.

В половине третьего Иван Васильевич выпил стакан чаю и стал молиться. Через час начал прощаться. Всех поблагодарил. У отца с матерью попросил прощения за внешнее разъединение, что приходится разъезжаться по концам России, и за внутренние несогласия.

– Какие? – спросил отец. – Никаких несогласий не было.

– Да от тебя-то? – сказала мать.

Поехал. Молитвенное воспоминание соединилось со скорбным чувством разлуки с любимыми домашними, которая со временем должна стать окончательной. В академии его ждали учебные предметы, но главное – тот же подвиг, та же молитва, неусыпная работа над своей душой. "Сходил в собор Троицкий, – записывал он в дневнике. – По временам увидишь там студентов, углубленных в молитву, и сожмется сердце за себя, что я пребываю на земле, занимаюсь обедами и делами земными!.."

Обязательные проповеди в академии Иван Васильевич писал подолгу, старался быть в изложении мыслей точным, избегать безжизненности и в то же время красноречия, внешней красоты слога. При природном стремлении его к правде проповеди получались искренними, пронизанными личным опытом. Их с интересом слушали, отмечая, что они несут отпечаток монашеского аскетического духа. Закончив проповедь, над которой он работал двенадцать дней, Иван Васильевич записал в дневнике: "Вообразил и возможность... высшего балла... и должен был всячески смирять восставшие в душе мысли о хорошествах проповеди, ибо те же почти мысли, как и в прошлой проповеди, но выраженные как-то будто бы особо, ибо думалось, каждое почти слово проходило некогда через сердце, и почти все оживляющие сердце мысли внесены в проповедь..."

В 1894 году Иван Васильевич представил кандидатскую работу на тему: "Круг деятельности и задачи пастырского служения духовенства по каноническим памятникам домонгольского периода". Доцент академии Н. А. Заозерский писал в своем отзыве об этой работе: "Автор положил значительный труд на изучение первоисточников и почти не имел никаких пособий, основываясь в своем изображении пастырского служения в древней Руси только на этих первоисточниках". Иван Васильевич был назван в числе четырех лучших студентов курса.

18 января 1895 года Троице-Сергиеву Лавру посетил о. Иоанн Кронштадтский. Иван Васильевич впервые увидел его и по обыкновению, бывшему за службами о. Иоанна, причащался со многими студентами академии. Он писал в дневнике: "За благодарственной молитвою видеть пришлось выражение лица, которое со смущением только вместил слабый ум... это было лицо ангела! Здесь одно небесное житие и нет ничего земного. Умиленное славословие и благодарение о неизреченном даре, значение которого он так ясно понимал и видел... За обедней о сие речи не было, и от прочего был храним в молитве с о. Иоанном, которого образ не выходил из ума..."

Слово этого праведника имело глубокое значение для будущего святителя-подвижника и мученика. Незадолго перед принятием священного сана, когда остатки сомнений относительно избранной стези еще теснились в душе Ивана Васильевича, о. Иоанн, прозрев его пастырский путь и то, каким подвигом он прославит Христа, сказал ему: "Аще любиши Мя... паси овцы Моя... егда был еси юн, поясался еси сам и ходил еси, аможе хотел еси: егда же состареешься, воздежеша руце твои, и ин тя пояшет и ведет, аможе не хочещи". Часто, особенно в решительные моменты жизни, вспоминались эти слова Христовы, сказанные ему устами святого. И чем дальше, тем чаще вспоминались эти слова, которые в минуты самых тяжелых испытаний становились утешением Божиим.

В 1896 году Иван Васильевич окончил Московскую Духовную академию со степенью кандидата богословия и был оставлен при ней профессорским стипендиатом. 15 августа 1897 года он был пострижен в монашество с наречением имени Фаддей, в память апостола Фаддея. В том же месяце он был

рукоположен в сан иеродиакона, через месяц – иеромонаха и назначен преподавателем логики, психологии, философии и дидактики в Смоленскую Духовную семинарию. 19 ноября 1898 года иеромонах Фаддей был переведен на должность инспектора Минской Духовной семинарии с исправлением обязанностей преподавателя Священного Писания в 5-м классе.

С принятием монашеского пострига, священного сана и назначения преподавателем семинарии иеромонах Фаддей на каждом этапе своей жизни усугублял подвиги, и в особенности поста. Что еще он мог сделать и как потрудиться, как не усугубить подвиг поста, не увеличить ревность на пути нравственного совершенствования, подвига любви к своим питомцам; на них он смотрел как на врученных Богом, а на само преподавание как на святое послушание. Но этот его подвиг поначалу не встретил ни уважения, ни сочувствия со стороны коллег-преподавателей. На ревностного труженика посыпались издевательства и оскорбления, тем более неудержимо злобные, что сталкивались со стороны подвижника с кротостью и даже безответностью. Ни одного слова ропота или осуждения не сошло с его уст. Он уже выбрал свой идеал – пастырство и монашество, и его старался держаться твердо, вопреки всем искушениям. Он писал: пастырь "должен быть готов не только с любовью встречать тех, кто охотно идет на его зов, но и иметь мужество встретить времена, когда, по слову Христову, поражен будет пастырь, и рассеются овцы стада (Мф. 26, 31), когда сердце самого пастыря будет терзаться от уныния и скорби, а овцы стада, невзирая на это и как бы не чувствуя близости своей гибели, всё более и более рассеиваются по путям гибели, с которых хочет возвратить их пастырь. Он должен быть превыше обычных немощей, свойственных людям, дабы не иметь нужды "по вся дни... прежде о своих гресех жертвы приносить, потом же о людских" (Евр. 7, 27), дабы легка была его молитва, возносимая за грехи людские. Далеко должно быть от него всякое тщеславие и памятование обид, дабы кротостью его с большим удобством было побеждаемо упорство непослушных. Он должен иметь такую веру, чтобы, видя совершенное бессилие своего слова, возложить упование на всеильную благодать, которая и наиболее огрубевшие души смягчает, отверзая для восприятия слова пастыря даже сердца людей, желавших "искусить беззлобство его" (Прем. 2, 19)".

Начальству семинарии не понравилось, с какой ревностью совершал иеромонах Фаддей свое служение, так как она невольно обличала других, и его поспешили перевести в другую епархию, понизив в должности. Он был переведен на должность преподавателя основного, догматического и нравственного богословия в Уфимскую Духовную семинарию, где епископом был преосвященный Антоний (Храповицкий). Здесь в 1901 году иеромонах Фаддей написал и защитил диссертацию на тему "Единство книги пророка Исайи", за которую ему была присвоена степень магистра богословия. Рецензенты писали о ней как об исследовании, отличающемся обстоятельностью и полнотой, составившем ценный вклад в русскую богословскую науку.

Это было счастливое время для Уфимской епархии и для учащихся Духовной семинарии, когда во главе епархии стоял епископ Антоний (Храповицкий), отличавшийся неустанным попечением о духовных школах, а в отношении к подчиненному ему духовенству – мягкостью и простотой. Ректором семинарии

был один из просвещеннейших пастырей-подвижников архимандрит Андроник (Никольский)^а, инспектором – иеромонах Фаддей.

Всюду, куда приходил епископ Антоний, он старался оживить церковную жизнь, побудить церковных людей к активности, к исканию просвещения и знаний, привлекая в качестве преподавателей выпускников духовных академий. В июне 1901 года в Уфе состоялось открытие епархиальных педагогических и певческих курсов для учителей церковных школ, на которые иеромонах Фаддей был назначен преподавателем общей дидактики, Закона Божия и славянского языка. Курсы проходили с 13 июня по 15 июля и возобновлялись каждый год.

При открытии курсов иеромонах Фаддей обратился к слушателям со следующими словами: "Озирая лицо земли русской, со скорбью мы видим, что из высших, иногда лишь по имени только, интеллигентных классов общества волна разнузданности мысли и воли все более идет в народ и грозит опустошить любимое достояние его – веру Христову. Еще по преданию и привычке он крепко держится этой веры, но холод страстей может корень и его жизни погубить, сделав его маложизненным, как подточен он уже сомнениями в большей части так называемого интеллигентного общества. И может случиться с ним то же, что с одною из древних христианских церквей: "ты носишь имя, будто жив, но ты мертв" (Апок. 3, 1). Не за то ли постигают его и постоянные бедствия: то голод, то засуха, то град, то землетрясения, что он оставляет веру отцов и не держится ее всем сердцем. Не оттого ли высшие классы общества озираются в недоумении, где найти исход из современного печального порядка вещей, и нигде не видят помощи человеческой, ибо бессильною оказывается эта помощь там, где необходима высшая помощь Божественная...

И вот ныне все мы, призванные быть просветителями народа, что должны положить в основание этого просвещения, как не веру Христову?.. Сохраним в себе этот свет Христова учения, глубоко внедренный в сердца наши еще при самом вступлении в мир сей, и взыщем его как драгоценное сокровище, ради которого мы готовы были бы оставить всё, лишь бы его приобрести прежде всего! И весь разнородный материал просвещения, из которого духовно создается человек, постараемся приспособить к единой высшей цели человеческого существования! Цель же сия – приготовить в душе каждого внутреннюю храмину для обитания Христа, Который бы был светом вечным и истинным, просвещающим "всякого человека грядущего в мир!" (Ин. 1, 9)".

Ежегодное преподавание на курсах подвигло иеромонаха Фаддея написать "Записки по дидактике (общей и методике Закона Божия и славянского языка)" для учителей церковно-приходских школ, которые он издал в 1902 году, чтобы каждый преподаватель мог пользоваться его советами и вне курсов; они стали фундаментальной основой преподавания этих предметов в школе. Наконец было заявлено ясно, что основой обучения и подлинного просвещения является христианство, что любая форма воспитания и преподавания знаний вне этого фундамента развращает человека, убивает его душу и сердце.

---

^а Впоследствии – архиепископ Пермский Андроник (1870-1918). Один из великих подвижников Русской Православной Церкви. 7 (20) июня 1918 года принял мученическую кончину от рук безбожников. Канонизирован Русской Православной Церковью в 2000 году. О нем см.: «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Составленные игуменом Дамаскиным (Орловским). Июнь». Тверь. 2008. С. 73-175

Преподавая на педагогических курсах для учителей земских школ, о. Фаддей внимательно присматривался к своим ученикам, призванным разносить знания по городам и весям Руси, которые в будущем могли оказать большое влияние на воспитание народа, так как земские школы начинали понемногу замещать церковно-приходские, зачастую попадая под начало неверующих чиновников. Печалило его, что учителя земских школ, не отрицая православной веры гласно, не посещали богослужений даже в двенадцатые праздники и относились к таким непосещениям весьма легкомысленно, не видя в этом ничего дурного.

Прощаясь с преподавателями при закрытии курсов, о. Фаддей обратился к ним с назидательным словом: "Может быть, скажут многие в ответ, что взамен того приобрели они такие сокровища умственные, ради которых следует признать извинительным и стеснение религиозных требований духа? В подобном-то ответе и сказывается неискоренимая привычка к тому иностранному, западноевропейскому порабощению свободной русской мысли и жизни, на которое столь давно еще начали указывать наши русские писатели. Доселе русский народ не чувствует потребности освободиться от нигилистического ига Запада, которое все сильнее и сильнее ложится на высшие потребности духа, вытравливая в сердце его потребность веры в Бога и правды в жизни. Ибо какие приобретения ума могут заменить ту "душу живую", которая столь необходима в деле обучения, особенно же воспитания? Пусть на уроках русского чтения дети постигнут всё совершающееся во внешней природе, строение растений, жизнь животных и так далее, – неужели к знанию этого более всего стремится их душа? Что сделается с нею, если, постигнув все это, она останется в неизвестности относительно величайших сторон собственной жизни и ее жизнь не приобщится к жизни "Лозы истинной" (Ин. 15, 1), к которой она привилась бы, как одна из ветвей? Что будет с детской душой, когда взор ее будет всецело устремлен вне себя и не будет совсем различать совершающегося внутри?"

И с иным словом иеромонах Фаддей обратился к учителям церковно-приходских школ: "Ныне, в день вашего разъезда, должен сказать вам, возлюбленные братья, словами апостола, что проповедь наша к вам была не тщетна и вход наш к вам был не бездейственным (1 Кор. 15, 14; 1 Сол. 2, 1). Поистине пришлось нам видеть, что "проторжеся вода в пустыни и дебрь в земли жаждущей" (Ис. 35, 6), призыв к жаждущим идти на воды (55, 1) нашел отклик в сердцах многих, если не всех вас. С каким усердием и охотою занимались вы всем, касающимся близкого вашему сердцу дела воспитания и обучения детей! Как много и безропотно переносили вы труды и как мало при этом позволяли себе развлечений! С какою любовью и доверием относились вы к тем, кто призван был передать вам необходимые знания и наставления, хотя бы и сам он не чужд был многих недостатков! Пусть в ваших собственных занятиях с детьми не было заметно особенно какой-либо обработанности приемов преподавания и воспитания, но зато как заметна была в них душа живая! Пусть в вашем пении также было, может быть, немало недостатков, которые неприятны для изящного слуха, но зато какое одушевление слышалось в словах молитв, которые вы пели в церкви или во время учебных занятий, или утром и вечером!"

Занятия, проведенные о. Фаддеем, оказали большое влияние на слушателей курсов. В своем слове при их закрытии один из курсистов, обращаясь к нему, сказал: "Примите нашу посильную благодарность за то светлое

нравственное влияние, которое вы оказывали на всех нас во время пребывания нашего на курсах через ваши полные христианской любви и правды поучения в храме, через ваши чтения по общей дидактике, осветившие нам много в нашей учительской деятельности и научившие нас любить Христа и Его святую Церковь, через ваши образцовые уроки по славянскому языку, показавшие нам, как нужно вести преподавание последнего, чтобы оно оказывало действительно благотворное влияние на детскую душу, а не ограничивалось лишь механической стороной дела, как это ведется в некоторых школах; наконец, через ваше сердечное, простое обращение с нами, позволявшее нам откровенно беседовать с вами и пользоваться вашими добрыми советами.

Спасибо вам и за драгоценный подарок – общую дидактику, составленную вами для учителей церковно-приходских школ, которой мы и будем руководствоваться в нашей педагогической деятельности".

15 марта 1902 года иеромонах Фаддей был возведен в сан архимандрита и назначен на должность инспектора Уфимской Духовной семинарии. Епископ Антоний, вручая ему архимандритский жезл, сказал: "Возлюбленнейший отец архимандрит Фаддей! Мне предстоит вручить тебе последнее богослужебное украшение твоего сана – архимандритский жезл. Ты знаешь, что различные украшения иереев и иерархов были усвоены им римскими императорами по подобию украшений военачальнических и царских, но смиренные пастыри и архипастыри, тяготясь такими знаками отличия, истолковали их значение в совершенно ином, духовном смысле: украшения военачальнические они приняли как знамение борьбы с врагом и искусителем, роскошные царские далматики, головные повязки и государственные гербы под ногами своими истолковали в смысле духовного возношения, в смысле нищенского рубища и тернового венца. Исполняя глагол Христов: большой из вас да будет вам слуга, – они оправдывали свою жизнь подобными значениями одежд, ибо на высоте святительских престолов они не умаляли своего монастырского правила, своих поклонов и постов, но умножали сии подвижнические труды множеством пастырских трудов и скорбей. Кто не слышал о рубищах Василия Великого, о посте святого Иоанна Златоуста, о бдениях Григория Богослова? Но зачем говорить о древности? И в настоящее время властные настоятели Афонских обителей предупреждают братию свою в подвигах умерщвления тела и во множестве трудов, так что поистине не на груди своей только имеют они изображение креста, но неизменно носят его тяжесть на раменах своих, а на главах своих венец терновый... Впрочем, согласимся с тем, что в настоящее время немногие из нас, носящих золотой венец, могут называть его венцом терновым...

Однако снова повторяю, что, конечно, не все мы и менее всех я, говорящий тебе это, могу похвалиться, что возлагаю на себя терновый венец. Зато так же искренне, с такою же правдою могу сказать, что на тебя сегодня я возложил поистине венец терновый. Буду говорить об этом дальше, не опасаясь возмутить твоего смирения, ибо слова мои предлагаются не для прославления тебя, а для назидания вручаемых твоему надзору питомцев. Поистине ты можешь сказать о своем отношении к жизни то, что говорил пророк Иеремия: "Ты, Господи, знаешь, что не сидел я в собрании смеющихся и не веселился: под тяготеющею на мне рукою Твоею я сидел одиноко" (Иер. 15, 17).

Эти слова прочитал я на твоём лице еще в то время, когда встретил тебя впервые девятнадцатилетним юношей, вступающим в число моих студентов Московской академии. Среди сотни молодых лиц, явившихся вместе с тобой, из

которых одни носили на себе отпечаток беззаботной веселости, другие печать ученической любознательности или юношеской задумчивости, а некоторые, увы! и порочных страстей, твое лицо запечатлелось сразу в моей памяти, ибо оно поразило бы всякого соединением младенческой чистоты во взоре с некоторою почти дряхлостью кожи от беспощадного подвига труда и поста. Эти подвиги ты умножил, поступив в академию, а сверх того прилагал к ним еще один, отчасти облегчающий прочие, а отчасти еще более утруждающий душу. Удаляясь от праздных бесед и шумного товарищеского общения, ты, однако, духом своим не только не был чужд своим ближним, но, напротив, любил их так, как это свойственно душе, очищающей себя от себялюбия и чувственности и потому нетесно вмещающей скорби, сомнения, борьбу и падения своих ближних".

8 сентября 1902 года архимандрит Фаддей был назначен на должность ректора Олонецкой Духовной семинарии. Теперь в его обязанности входило преподавание, управление Олонецкой Духовной семинарией с разрешением всех вопросов – как преподавателей, так и учащихся, а также редактирование официального церковного слова епархии – "Олонецких епархиальных ведомостей", в которых он публиковал материалы местной епархиальной хроники.

Архимандрит Фаддей часто служил и проповедовал. 22 февраля 1903 года, в субботу, после поздней литургии в петрозаводском Святодуховском кафедральном соборе он в сослужении соборного духовенства отслужил благодарственный молебен Господу в память освобождения крестьян от крепостной зависимости. 23 февраля, в Неделю Православия, богослужение в кафедральном соборе отличалось особой торжественностью. Божественную литургию служил преосвященнейший владыка Анастасий (Опоцкий) в сослужении архимандрита Фаддея и соборного духовенства. Вместительный Святодуховский собор был полон молящимися. В конце молебна был совершен "Чин Православия". "Возглашавшаяся диаконом и исполненная певчими "Анафема" переносила мысли молящихся ко временам отдаленной христианской древности, когда могучий голос Церкви служил авторитетным выразителем суда над лжемыслящими и когда суд этот чувствовался и сознавался всеми..."

В Петрозаводске в Братском Назарьевском доме были в то время заведены воскресные религиозно-нравственные чтения, охватывавшие самые различные проблемы и стороны жизни. "2 марта в Братском Назарьевском доме происходило обычное религиозно-нравственное чтение, привлекшее на этот раз необычное число слушателей. Не только громадный зал здания, но и левая от входа боковая комната и вестибюль были переполнены народом. Причиной такого скопления публики было желание послушать в первый раз выступавшего с чтением нового ректора семинарии отца архимандрита Фаддея. Отец ректор... прочитал "О начале христианской жизни" (по Феофану Затворнику)".

В следующее воскресенье вечером в Братском доме состоялись религиозно-нравственные чтения на темы: "Как начинается в нас христианская жизнь" (по преосвященному Феофану Затворнику), "Состояние грешника и действие благодати", "Торжественное шествие Господа Иисуса Христа на крестные страдания" (объяснение 12-й главы Евангелия от Иоанна), предложенные архимандритом Фаддеем. "Житие сорока мучеников" прочитал кафедральный протоиерей А.П. Надеждин. Все чтения были прослушаны с большим вниманием. "Очевидно, подвижнические писания святых отцов, – пояснил архимандрит Фаддей свое сообщение о чтениях, – издавна любимые русским народом, как

непосредственно касающиеся духовной жизни, и изъяснение Священного Писания, этого первоисточника последней в его непосредственном виде, могут, при более или менее умелом выборе предметов для чтения и объяснения, и ныне увлекать наш народ".

Через неделю архимандрит Фаддей предложил чтение на тему: "Что требуется от человека для того, чтобы вселилась благодать в его сердце", пользуясь для этого творениями Феофана Затворника.

Ежедневное ведение дневников и беспристрастная оценка своей внутренней жизни и своих поступков выработали привычку писать о себе как о постороннем человеке, не закрывая глаза на дурное, не смущаясь успехом. О состоявшемся через неделю религиозно-нравственном чтении архимандрит Фаддей писал: "Вечером в Назарьевском доме была предложена ректором семинарии архимандритом Фаддеем беседа о событии Благовещения Пресвятой Богородицы по Евангелию, относящемся к событию ветхозаветных пророчеств, и отчасти по песнопениям праздника. Стечение народа было большое, и, благодаря живой речи, возможно было поддерживать внимание слушателей в течение довольно продолжительного времени. Заинтересовало слушателей также чтение канона на Благовещение, написанного в виде разговора между Богородицей и ангелом, на русском языке в переводе профессора Ловягина. Это чтение высокопоэтического канона в понятном русском переводе и без обычных при церковном чтении перерывов дало возможность показать, какие сокровища хранятся под спудом для большинства, может быть, присутствующих в церкви в богослужебных наших книгах".

Религиозно-нравственные чтения, проводившиеся каждую неделю, в которых неизменно принимал участие архимандрит Фаддей, вызывали большой интерес; на некоторых чтениях зал не вмещал слушателей. Строя свои лекции на основе сочинений Феофана Затворника, архимандрит Фаддей старался приспособить их к духовному и образовательному уровню своих непосредственных слушателей, многому давая свои пояснения. Иногда сосредоточенности слушателей хватало на два часа, что было не мало, если принять во внимание серьезность и глубину темы, не имевшей в себе никаких развлекательных моментов.

После каждого чтения о. Фаддей всегда делал вывод – в чем чтение было удачным и в чем оно оказалось неудачным, почему не могло собрать большого числа слушателей и почему сам докладчик не сумел удержать внимания слушающих и донести до них содержание своего доклада. "Многие отнеслись к объяснению с прежним вниманием, но прежнего общего оживленного внимания на сей раз не было заметно, – писал отец архимандрит. – Менее, чем в предыдущие воскресенья, было и народа, хотя все же довольно много. Очевидно, к систематическому объяснению Священного Писания во многих слушателях нет должного усердия...

Вечером 9 мая, в день святителя Николая чудотворца, было чтение в Братском доме. Сначала были объяснены ректором семинарии архимандритом Фаддеем 9-я и 10-я главы Евангелия от Иоанна с обычными указаниями на соответствующие ветхозаветные пророчества, которые на сей раз особенно необходимы были для понимания бесед Господа. Народа было значительно менее, чем в предыдущие воскресные дни, хотя всё же и для такого количества, какое было, продолжать чтения еще далеко не напрасный труд. На внимание слушателей нельзя было жаловаться..."

Внимательный к своей душе, архимандрит Фаддей был внимателен и к окружающей его жизни, проблемы которой, будущность Православной Церкви в России, будущность и самой России его весьма заботили. Как это и бывает, любовь, жившая в сердце христианского подвижника, далеко простиралась за пределы его личной жизни. Верующий человек заботится обо всем, неверующий – только о своем благополучии. Потому-то истинными и просвещенными гражданами земного отечества можно вполне назвать только тех, чье сердце привязано к отечеству небесному. Вера в небесное делает неравнодушным к земному, тогда как вера исключительно в земное убивает и саму душу человека.

В 1903 году был прославлен великий угодник Божий – преподобный Серафим Саровский. И как всякое великое и святое событие, изнесение святых перед всеми людьми у одних вызвало просветление души и укрепление веры, у других – озлобление и ненависть. В слове, произнесенном в Святодуховском кафедральном соборе, архимандрит Фаддей, обращаясь к народу, сказал: "Великая волна благодати омыла лицо земли Русской, но не поднимется ли после нее еще более волна неверия и развращения народного на смену ее, которая и ныне уже велика? Не поднялась ли земля Русская волною благодати в одной своей, хотя и весьма громадной части, и не стремится ли в "Святой Руси" в наши дни к святости более "народ смиренный и простой", на который не хотят обращать и внимания весьма многие "тщеславящиеся знатностью" (Соф. 3, 12, 11) своего ума или иною какою-либо? Воздвигнут высоко светильник Церкви Русской в наши дни, но не осветил ли он называющихся в ней именем Христовым только наполовину, чтобы тем удобнее мог быть потом сдвинутым за нераскаянность составляющих другую половину ее (Апок. 2, 5)? Ибо можно ли не исполняться опасений за тайну беззакония, деющуюся во многих, когда они в день светлого торжества в Сарове, как бы ничего не зная, продолжали свои театры, танцы и тому подобные суетные развлечения вместо того, чтобы спешить в храмы, услышав необычайный звон 18 и 19 июля? Можно ли без горести слышать, что многие из взявших в свои руки печатное слово совершенно презрели и умолчали или даже хулили, хотя и не открыто, светлое духовное торжество, а вместе с тем и благодеющую до сего времени земле Русской Божию Десницу? Сколько простых душ смутили они своими клеветами на Церковь, которая будто бы измышленными чудесами поддерживает грубые суеверия народных масс и отклоняет их от истинного пути к прогрессу и совершенствованию..."

Для архимандрита Фаддея слово проповеди никогда не было риторским упражнением на определенную тему, к слову прилеплялся весь его дух, переживания его сердца, трудившегося прозреть глубины собственного духа и Промысла Божия.

8 мая Олонецкая Духовная семинария праздновала престольный праздник семинарской церкви – память святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Погода в тот день выдалась ненастная, и почти не было посторонних богомольцев. События последних месяцев, война с Японией, беспорядки в России и при этом какое-то духовное омрачение всего общества, которое, чем тяжелее были внешние обстоятельства, тем сильнее тянулось не к очищению и покаянию, а ко греху и разврату, – все это заставляло скорбеть чуткого пастыря, и для самой проповеди смыкались уста его, и потому в день семинарского праздника он сказал всего несколько слов: "В день нашего храмового праздника я не мог ныне сказать своего слова собравшимся, и пришлось возносить молитвы свои в молчании. Быть может, случилось это оттого, что, как говорится в тропаре святому

апостолу и евангелисту Иоанну Богослову, "належащий облак языков", то есть любовь к жизни языческой, мирской, представлялась мне в последние дни слишком сильно застилавшая сердца, и я не мог найти в душе луча света, способного разогнать ее. Но все-таки я верю, что сила любви, образ которой начертал возлюбленный ученик Христов, неизмеримо велика и может разогнать самую тяжелую мглу, что она может соединить не только сердца отдельных людей, но и целых народов, по слову Христову: "и будет едино стадо и един Пастырь"..."

Через несколько дней, 11 мая, все духовно-учебные и церковные школы Петрозаводска праздновали день памяти святых первоучителей славянских Кирилла и Мефодия. В соборе собрались учителя семинарий и церковных школ, воспитанники Духовной семинарии, Духовного училища, всех городских церковно-приходских школ и ученики ремесленного училища. В конце молебна о. Фаддей обратился к присутствующим с кратким словом: "Очень радостно видеть учащихся духовно-учебных заведений и церковных школ, собравшихся здесь вместе на богослужении в честь первоучителей славян – святых равноапостольных Мефодия и Кирилла. Подобное зрелище невольно воодушевляет и поднимает дух, так как единение во всяком деле есть залог крепости и успеха последнего. О, если бы только эта радость об единении собравшихся не омрачалась печальными мыслями о тлетворных влияниях отвне, проникающих даже в духовные школы и влияющих весьма пагубно на дело просвещения! О, если бы не было также никаких разделений между самими деятелями просвещения, чтобы не могли уже повторяться слова, какие говорились в начале строения нашей земли: "земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет!" О, если бы единственно искренняя любовь к просвещению народа воодушевляла всех деятелей просвещения, заставляя их всегда ставить на задний план всякие личные счета, производящие разделения, и заботиться исключительно об устроении великого общего дела!"

11 июня состоялся первый за время ректорства архимандрита Фаддея выпуск воспитанников Духовной семинарии. Был закончен прием экзаменов и были соборно отслужены духовенством семинарии литургия и молебен, после которого архимандрит Фаддей обратился к выпускникам с прощальным словом: "Хотя душа моя в настоящий прощальный час, естественно, исполнена всяких благожеланий в отношении к вам, друзья мои, но слово мое не может собрать многих, рассеянно проходящих в душе моей мыслей и чувств. Притом вы и ожидаете от меня не каких-либо пустых словесных благожеланий, но такого слова, которое, входя в слух ваш, воодушевило бы вас на дальнейший путь жизни, озарило бы его, подобно лучу, хотя немного. Не будучи в силах сказать такое слово, я напому вам, братие, только то, о чем особенно часто старался говорить вам в своих беседах.

Мне хочется напечатлеть еще однажды в ваших умах и сердцах ту истину, что всякая сила в жизни заключается в единении со Христом: в этом единении – источник всякого воодушевления, в нем залог плодотворности того дела жизни, к которому вы будете призваны. Узы же, которыми укрепляется единение со Христом, есть любовь Христова. Вы знаете воодушевляющую силу любви человеческой по собственному опыту жизни. Если любовь человеческая имеет такую силу, что совершенно иногда преобразует человека, то любовь Божия больше (1 Ин. 3, 20-21). Вы знаете сказавшего: "Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или

меч?.. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем" (Рим. 8, 35, 38-39). Итак, укрепляйте в себе эту силу любви, которая сделает жизнь вашу непоколебимую!

Но изменчиво сердце человеческое, не прочна его любовь, ибо "человек, как трава" (Пс. 102, 15; Ис. 40, 6). Подул ветер, наступила буря, постигли человека беды жизни, и любви как бы не осталось в его сердце, душа его пустеет и наполняется мраком. Что же делать тогда? Если бы шла речь о любви к человеку, который исполнен несовершенств и не может подать помощи во многих бедствиях жизни, тогда, быть может, было бы место отчаянию, и можно было бы усомниться в силе любви. Когда же вселилась в сердце наше любовь Божия, то после всякой бури и мрака, облекшего душу, снова воссияет в ней любовь, подобно светлomu и согревающему лучу солнца. Итак, если любовь перестает как бы проявлять свою живительную силу под напором скорбей жизни, то начинайте возгревать ее размышлением. Приведите себе на память обетование Христово, слова Христовы благие и утешительные, особенно сказанные ученикам во время прощальной беседы, начните отгонять от души мысли, чувства и желания, которыми подсекается в сердце любовь ко Христу. И после того, как подобные размышления и воспоминания снова укрепят веру вашу и опять окрылится сердце ваше любовью, прибегайте к молитве, ибо молитва есть великая сила, открывающая легко доступ в область бытия вышеестественного. Утешения и действенность молитвы вашей будут все более и более ощутительными по мере того, как вы чаще и с большею верою будете прибегать к ней. "Поминайте (тогда и) наставники ваша, иже глаголаша вам слово Божие", – если только благодатью Божиею дано было им сделать что-либо достойное воспоминания, – и, взирая если не на кончину, то на главные стремления, одушевлявшие их в жизни, "подражайте вере их" (Евр. 13, 7).

Закончим же беседу нашу, братие, молитвенным благожеланием, чтобы "любовь Божия излилась в сердца ваши Духом Святым, данным вам" (Рим. 5, 5). И как Христос умер за нас, когда мы были не праведниками, а грешниками, достойными всякого отвращения (ст. 7, 8), так и нас любовь Христова, вселившись в сердца наши, да побудит забвением о себе самих служить меньшей братии, хотя бы многие из нее казались нам недостойными любви и возбуждающими в нас даже презрение; да научит нас, хотя бы пришлось нам встретить, по слову Христову, ненависть мира (Ин. 15, 18-19), "побеждать благим злое" (Рим. 12, 21). И тогда кто или что отлучит от любви Божией избранных Божиих, ибо "если Бог за нас, кто против нас?" (Рим. 8, 31-33)".

После молебна ректор пригласил воспитанников к себе домой и еще здесь беседовал с ними.

Как и многие подвижники, о. Фаддей хорошо сознавал и глубоко чувствовал, насколько важны святые в жизни человека, и сам искал и интересовался подвижниками тех мест, где ему приходилось бывать. И, устремленный к стяжанию Духа Святого, он узнавал таких же, как он, духовных стяжателей и, ощущая нужду в их молитве и заступничестве, почитал своим долгом привести в порядок рукописи и воспоминания о них. Так, будучи ректором Олонецкой Духовной семинарии, он привел в порядок и опубликовал рукопись о местничимом подвижнике блаженном Фаддее.

В июне 1904 года Олонецкое Управление Красного Креста организовало отряд для отправки на Дальний Восток в район военных действий. Отъезд был назначен на 22 июня. В самый день отъезда в Святодуховском кафедральном соборе был отслужен напутственный молебен. "Большой, вместительный собор переполнен был молящимися: тут были начальники и представители учреждений, чиновники, учащиеся, рабочие и простолюдины, старые и малые... Сестры милосердия в своей форме с красным крестом на груди... врачи и санитары с таким же крестом на рукаве, заняли места у солеи, с левой стороны собора...

По окончании молебна архимандрит Фаддей обратился к отъезжающим со следующими словами: "Приветствую ваш добровольный подвиг человеколюбия, досточтимые о Господе сестры и братья! Не дерзаю изображать все величие этого подвига, ибо нелицемерная хвала ему удобнее могла бы быть воздана человеком, который сам подвизался в ту же меру. Этот подвиг невольно возводит мою мысль к первым векам христианства, когда христиане во время, например, моровой язвы безбоязненно служили больным, не только единоверным с собою братьям, но и язычникам, подвергаясь опасности умереть, и действительно умирая... Ваш подвиг ясно свидетельствует, что и в наши дни еще не иссякла совершенно заповеданная миру Христом Исккупителем любовь, оскудение которой на земле, по слову Его, знаменует приближение кончины мира (Мф. 24, 12-14). Ваш подвиг, единодушно всеми восхваляемый, показывает, что еще и ныне люди, уверовавшие умом в то, что мир совершенствуется благодаря борьбе за существование, в действительности невольно преклоняются пред евангельским учением о любви и наглядно являют через то самопротиворечивость ложных учений века сего. Да воздастся же вам за подвиг, какой вы понесете, Богом и людьми! За дни и ночи, которые вы проведете без сна, в скорбях, трудах и лишениях, да воздастся вам днями радости лучшей и высшей, которой не знают живущие в удовольствиях мира сего!.. За ваше удаление на чужбину да воздастся вам общей близостью всех оставшихся здесь. За совершенный вами подвиг любви Христовой пусть напишутся имена ваши не на земле только на страницах книг и в сердцах людей, но и в книге жизни на небесах, в "Церкви первородных, на небесах написанных" (Евр. 12, 23)!"

С опытом преподавания и начальствования в Духовной семинарии, а также деятельности в качестве председателя училищного совета приходило понимание, что воспитание и обучение требуется не только учащимся, но и учащим. Надо было находить совершеннейшие пути для обучения и воспитания детей. Начиная новый учебный год, архимандрит Фаддей собрал в своей квартире всех учителей церковно-приходских школ Петрозаводска.

При открытии собрания отец архимандрит обратился к присутствующим со вступительной речью. Он говорил о необходимости более тесного единения деятелей церковно-школьного просвещения, о пользе взаимного обмена мыслей в виде рефератов, письменных и устных сообщений и бесед по вопросам воспитания и обучения. Отец ректор сказал, что подобное общение работников церковной школы может явиться для них одним из лучших средств воодушевления в их деятельности. Затем архимандрит Фаддей подробно рассказал о своем летнем путешествии, поделившись духовными впечатлениями, рассказал о виденных им картинах духовно-религиозной жизни народа и сравнил религиозное настроение жителей различных мест средней, южной и северной России.

Епархиальный наблюдатель Н.К. Чуков прочел статью о двух типах учителей церковно-приходских школ – сухого и педантичного, учащего науке, и воодушевленного энтузиаста, учащего крестьянских детей вере на примерах истории Церкви и житий святых, и предложил собравшимся высказаться, какой тип учителя им ближе. Симпатии всех были на стороне последнего. На это отец ректор заметил, что нельзя порицать и учителя первого типа, так как в своей педагогической деятельности не будет лишним пользоваться педагогическими и дидактическими приемами, тщательно устраняя из своей деятельности холодное и формальное отношение к делу, внося с научными приемами в преподавание "душу".

В конце собрания было предложено устроить чтения в Братском Назарьевском доме для детей церковно-приходских школ. На Рождественских каникулах предполагалось устроить для детей елку. Учительницам было предложено позаботиться о выборе материала для чтения и разучить его с детьми, учителю пения – выбрать музыкальные пьесы, сообразуясь с характером чтений.

И снова подошло время выпуска студентов семинарии. Что сказать им? Чем напутствовать важным, какой дать завет, которым они могли бы руководствоваться в своей жизни?

Курс окончили двадцать четыре человека. Увы, большинство из них помышляло не о духовном поприще, а о поступлении в высшие светские учебные заведения. Единственное, что их тревожило, – как бы с началом революционных беспорядков и анархии не прекратился учебный процесс: во многих высших учебных заведениях прошли студенческие забастовки и занятия были прекращены. В Олонецкой Духовной семинарии не было забастовок, но поволноваться пришлось и здесь – гнилостный дух века сего заражал и здоровые души.

Некоторые из выпускников решили поступить в учебные заведения учителями, другие нашли себе место чиновников на государственной и частной службе, и лишь несколько человек возымели желание принять священный сан и посвятить свою жизнь служению Церкви. Тяжела была длань века сего, если даже общение с таким христианским подвижником, как архимандрит Фаддей, мало действовало на души зараженного духом времени юношества. Казалось бы, душа сама должна вдохновиться на христианский подвиг, видя перед собой праведника, у которого, по слову Писания, из души изливались потоки воды живой. Но нет, заботы мира сего, прельщенность земным, материальным ослепляла душевные очи. И, стараясь подобрать нужные для этих юношей слова, из глубины сердца о. Фаддей износил последнее для них напутственное слово: "Нынешнее наше последнее молитвенное собрание, братие, побуждает нас еще однажды возжечь духовный светильник, который возжигали мы многократно в течение нескольких лет пребывания здесь, – еще однажды взять от огня, который воспламеняем был здесь много раз в ваших душах, чтобы сохранить его для последующей жизни.

Невольно напоминает нынешнее собрание то молитвенное собрание апостолов Христовых, когда сошел на них Дух Святой в виде огненных языков и просветил их души. Но тогда Дух Святой, сошедший в виде разделяющихся огненных языков, "в соединение вся призва", хотя и рассеял апостолы во все концы вселенной. Что может в настоящее время объединить людей, разделившихся на почти противоположные друг другу партии? Быть может, благо

общества, о служении которому обыкновенно говорят люди? Но ведь общее благо понимается людьми различно до противоположностей. Есть блага земные, и есть блага небесные, есть блага естественные, общие человеку и прочим живым тварям, по крайней мере отчасти, и есть блага высшие, духовные, которым люди сделали причастниками через искупление Христово; и опять-таки все исчисленные блага понимаются людьми различно до противоположности. И сколько бы ни искали путей для объединения понятия о благе в умах и сердцах людей, пролагая через то путь ко всеобщему равенству, братству и свободе, никогда не найдут люди всеобщего блага вне Христа, Источника всех благ земных и небесных, естественных – душевных, и высших – духовных. Из всех живших на земле Он один только осуществил в Себе идеал человека. Осмелится ли кто из живущих на земле заявить о себе, что он осуществил этот идеал? Если же так, то как могут люди обойтись без Христа в поисках общего блага и в борьбе за восстановление погрязших прав человека?

К Немю-то, как Источнику света, и предлагаю я, братие, вам обратить ныне взор свой. Я знаю, что поздно теперь "со многими верными доказательствами" (Деян. 1, 3) говорить вам о явлении Христа миру и возвещать "силу и пришествие" Его (2 Пет. 1, 16). Теперь благовременно разве побуждать вас "творить" о Нем более частое "воспоминание" (Лк. 22, 19), высказать несколько завещаний, напоминающих то, о чем говорилось вам нередко ранее.

И прежде всего мы знаем, что Христос пришел спасти мир крестом и страданиями. Он, как сказано о Нем в Божественном Писании, "не воспрекословит, не возопиет, и никто не услышит на улицах голоса Его" (Ис. 42, 2; Мф. 12, 19). Поэтому не насильем нужно содействовать, по учению Христову, водворению на земле общего блага, а путем кротости, любви и самоотвержения. Как можно насильственным образом водворить на земле равенство, братство и свободу? Можно ли, употребив насилие, сделать кого-либо счастливым? Ведь все мы знаем, что христианство в первые века, несмотря на всевозможные насилия и гонения, тем более распространилось. Итак, "не воинством и не силою, но Духом" Господним (Зах. 4, 6), как возвещено было Господом одному ветхозаветному пророку.

Но если так, то должно вам ныне внедрить в ум мысль о противоположности между Духом Христовым и духом мира сего, ибо если только мы хотим быть Христовыми, то не должны забывать написанного: "мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога" (1 Кор. 2, 12).

На знамени своем дух мира написал: "точная наука", не имеющая нужды искать помощи у неба. Христианство не отвергает мудрости земной, не по праву присвоившей себе одной название "точной науки", но оно возвещает, что полнота истинного ведения заключается лишь в сокровищнице премудрости Божией, тайной и сокровенной, недоступной уму человеческому без помощи Духа Христова (1 Кор. 2, 7, 10).

Дух века на знамени написал: "блага земные" вместо небесных, причем последние называются мечтательными и не внушающими веры. Христианство не отвергает и благ земных, но наибольшее внимание побуждает устремлять к благам небесным, которые "уготовал Бог любящим Его", которых "не видел глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку" (1 Кор. 2, 9).

Дух века написал на знамени: "права человека", причем вследствие неопределенности понятия об этих правах нередко совершенно сглаживается коренное отличие жизни человека от чуждой высшего нравственного закона

жизни животных. Христианство не отвергает прав человека, но не в области жизни чисто естественной, а только в Сыне Человеческом, сшедшем с небес (Ин. 3, 13) для искупления мира Своими страданиями, видит совершенное осуществление идеала человека.

Вот изображенный-то нами способ осуществления заветов Христовых на земле путем мира, любви и кротости, равно как указанное различие между Духом Христовым и духом мира сего, и должны вы, братие, ныне привести себе на память и насколько возможно более уяснить, готовясь идти в мир на служение общему благу – в качестве ли пастырей Церкви, если на то будет воля Божия, или вообще христианских общественных деятелей, – должны все, потому что на всех может простираť свое влияние дух века сего. Конечно, многие из людей века сего не захотят, может быть, и слышать подобных напоминаний о различии Духа Христова от духа века сего, считая мечтательными действия Духа Христова в жизни общества, – ибо, как говорит апостол, "душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием" (1 Кор. 2, 14). И убеждать подобных людей было бы, конечно, излишне, разве в надежде, что и их сердца коснется когда-либо действие Духа Божия. Однако не забудем, что далеко не проверено – будет ли сопровождаться благотворными последствиями введение в жизнь всего того, что гордо начертал на знамени своем дух нашего века. Не будем, по крайней мере, заграждать доступ в сердца наши и действию Духа Христова, ибо мы знаем, сколько совершил уже дух христианства великих преобразований в жизни народов в течение многих веков. Посему, если мы усердно изучали писания, проникнутые духом века сего, то не тем ли более должны обращаться к писаниям вечным, в которых говорил Дух Святой, чтобы в них иметь жизнь (Ин. 5, 39), особенно когда будем изнемогать духом от скорбей жизни и всякого рода сомнений?

Чтобы предохранить себя от порабощающего свободу нашу влияния духа века сего, вспомним ныне предсмертное завещание великого апостола языков, данное им ученику своему Тимофею: "не стыдись свидетельства Господа нашего Иисуса Христа, ни меня, узника Его; но страдай с благовестием Христовым" (2 Тим. 1, 8). Не будем стыдиться Христа, как ныне стыдятся исповедовать Его многие, называя, однако, себя христианами, чтобы не услышать нам от Него слов, читанных в нынешнем Евангелии: "Не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие" (Мф. 7, 21, 23). И если не будет в нас такой непоколебимой веры в Христа, какую – как слышали мы в нынешнем апостольском чтении – имел в Бога Авраам, поверивший Богу, "животворящему мертвых и называющему несуществующее, как существующее" (Рим. 4, 17), и не постыдившийся в своем уповании, то сохраним хотя такую веру, которая помогла бы нам не стыдиться Христа в предстоящей общественной деятельности! Явим себя "делателями непостыдными, право правящими слово истины" (2 Тим. 2, 15), зная, что "если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречемся, и Он отречется от нас!" (2 Тим. 2, 11-12).

Храня же веру во Христа, будем возжигать в сердце и все большее пламя любви к Нему! Пусть возвратится к нам дух любви древних христиан, исполненных пламенного ожидания пришествия Христова, и пусть не охлаждает нас мысль, что ради любви ко Христу придется весьма многое изменить в порядках жизни, к которым мы слишком крепко привязали свое сердце. Пусть

Христос всегда сияет ярко в сердцах наших, как "звезда светлая и утренняя" (Апок. 22, 16)".

Закончились занятия в семинарии, семинаристы разъехались на каникулы к родственникам, но не закончились учебные труды отца ректора. Уже четыре года устраивались летом педагогические курсы для учителей церковных школ Олонецкой епархии. Задачей курсов было совершенствование методов учительской работы для ее большей осмысленности и целедостижимости. Для этого преподавателями курсов предлагались образцовые уроки по всем предметам церковно-приходской школы, на которых показывалось прохождение каждого существенного отдела того или иного предмета. Все образцовые уроки анализировались с дидактической стороны, чтобы уяснить, какие приемы обучения ведут к решению поставленных задач и какие не достигают цели. Все слушатели курсов должны были дать пробные уроки, которые также подробно разбирались; подвергалось рассмотрению, какими приемами, удачными или неудачными, пользовались слушатели.

На курсы были приглашены шестьдесят семь человек, в том числе пятьдесят четыре учителя церковно-приходских школ, одиннадцать – школ грамоты и два кандидата на учительские места. Кроме приглашенных, занятия посещали учителя, бывшие на курсах в предыдущие годы, и учителя земских школ; таким образом, число присутствовавших на ежедневных занятиях доходило до восьмидесяти человек. Курсы открывались 30 июня, занятия на них проходили с 1 по 20 июля и разделялись на утренние и вечерние. Утром было четыре часовых урока, вечером три. Большое внимание уделялось практическим занятиям в виде уроков в специально организованной для этого начальной школе с тридцатью четырьмя учащимися. Архимандрит Фаддей преподавал общую дидактику, Закон Божий, славянский язык, а также следил за всеми занятиями и жизнью курсов.

Открывая курсы, архимандрит Фаддей обратился к присутствующим: "При открытии занятий на педагогических курсах мне хотелось бы прежде всего призвать всех приступающих к занятиям иметь несомненную твердую веру в силу и значение своего дела, то есть обучение и воспитание детей от имени Церкви.

Всем известны подрывающие означенную веру толки об имеющем будто бы совершиться переходе всех школ в светское ведомство. Но ведь разве эти толки всеобщие даже в образованных классах общества, не говоря уже о народе? Разве известно вполне отношение народа к той задаче, какую ставит себе церковная школа?..

Но и помимо, так сказать, опроса народа относительно взглядов его на задачи церковных школ, разве не можем мы непоколебимо верить в силу и значение своего дела? Разве святая Церковь не имеет своих задач? Разве она может перестать считать обязательными для себя заповеди, данные ей Самим Господом? Может ли она отказаться от научения истинам веры детей школьного возраста? Конечно, и в храмах возможно учительство, но столь ли часто посещают их дети, чтобы в достаточной мере научить их вере и жизни христианской без правильного школьного учения? Может ли быть предоставлено случаю столь важное дело, как научение молодого поколения истинам веры и жизни христианской? Только крайнее насилие может отнять у Церкви право учить молодое поколение, ограничив церковное учительство храмами и частными домами.

Но, к сожалению, в обществе все более начинает затмеваться истинное сознание указанных задач Церкви и необходимости по возможности полного их осуществления...

Итак, будем более верить в свое дело и убежденнее отстаивать своеобразие нашей церковной школы, дающее ей полное право на самостоятельное существование. Одушевленная вера в дело сама собою вызовет и любовь к нему, необходимую для того, чтобы всецело отдаться ему. Будем помнить, что не для удовольствий каких-либо собрались мы сюда, а для труда, хотя, конечно, весьма желательно, чтобы и труд, всецело захватывая нас, превращался в удовольствие. Постараемся затем об усвоении не общих только истин, лежащих в основе учебно-воспитательного дела, но и о тщательном усвоении частных методических подробностей обучения и воспитания. Конечно, внимательное отношение к этим частностям и подробностям может показаться скучным, но ведь во всяком возвышенном деле любви, кроме невольно привлекающих своею возвышенностью сторон, неизбежны частности и мелочи, требующие терпения и самоотвержения. Будем помнить это и в отношении к нашему делу.

Господь же да поможет нам во всем!"

17 июня 1907 года, в Неделю Всех Святых, состоялись заключительные перед летним перерывом чтения в Братском доме, которым архимандрит Фаддей отдавал много времени и сил. Рассказав о подвигах святых и значении их, он счел нужным добавить несколько слов по поводу окончания чтений: "С некоторым утешением видели мы, что в одной части слушателей усердие к слушанию духовных чтений и бесед возрастает, и они, может быть, будут поэтому жалеть об окончании чтений: для них закрылся источник, из которого утоляли они свою жажду.

Но, с другой стороны, видели мы, что часть слушателей, особенно из образованных, в нынешнем году перестала или стала реже ходить сюда, и общее число посещающих Братский дом в нынешнем году, как кажется, несколько уменьшилось по сравнению с предыдущим. Приходилось слышать суждения о чтениях в Братском доме как о таких, которые по своему (будто бы "черносотенному") характеру совершенно не соответствуют вкусу и настроению людей, живущих во время "освободительного движения". Это-то, вероятно, и было причиной, почему некоторые стали стыдиться Братского дома – и перестали посещать его.

Затем все более усиливающаяся жажда веселия отняла у Братского дома весьма многих слушателей, особенно из молодого поколения... которое все более проникается взглядом на юность как на время забав и веселья и беспечно откладывает удовлетворение духовных потребностей на старость. А поколение, достигшее совершенного возраста, признает подобный взгляд вполне естественным и законным, почему и не старается внушить молодому поколению сознание важности потребностей духа и необходимости их удовлетворения. И вот почему лишь очень немногие "благую часть избрали", чтобы заниматься "единым на потребу" (Лк. 10, 42).

Но не одно оскудение количества посетителей Братского дома наводит на грустные размышления – грустно видеть и недостаток отзывчивости. Слушатели есть, но как многие находят в слушании духовных чтений и бесед лишь развлечение, а отнюдь не призыв к преобразованию своей духовной жизни соответственно читаемому! Видим ли мы, чтобы чтения и беседы наши будили

спящие души, возбуждали живые и сильные движения в душах, оживляли в них угасающую любовь ко Христу, чтобы они побудили кого-нибудь оставить известную худую привычку, создали какой-нибудь добрый навык? Не дано нам, как делателям недостойным, видеть подобные плоды наших трудов, в течение последних лет предпринимавшихся.

Однако веруем мы, что хотя и не видим явственно мы этих плодов, но все-таки невозможно, чтобы не осталось в душах никакого следа или воспоминания о духовных назиданиях, предлагавшихся в течение стольких лет. С этою верою и оканчиваем мы чтения настоящего года, надеясь, если приведет Бог, с тою же верою совершать дело свое в следующем году".

Время для Православной Церкви и русского народа становилось всё более суровым. Не стесняемая высшей властью, противоцерковная и противогосударственная пропаганда широко разлилась по России, и вот уже губернская типография повысила плату за печатание "Олонецких епархиальных ведомостей", главным редактором которых был архимандрит Фаддей. Повысила настолько, что стал затруднителен их выпуск, и это несмотря на то, что все сотрудники редакции работали бесплатно. Редакция обратилась в частную типографию Каца, но тот выставил худшие и даже оскорбительные условия, и пришлось согласиться с предложением губернской типографии, а чтобы расплатиться – повысить цену журнала. Так губернская типография воевала против духовного и нравственного просвещения народа; материальные интересы омрачали сознание, приближая Россию к гибели, буре самоуничтожения и гражданской войны.

Архимандрит Фаддей преодолел эти препятствия, журнал продолжал выходить, продолжались чтения в Братском доме, где выступали образованнейшие люди епархии.

По-прежнему съезжались в Петрозаводск учителя церковно-приходских школ на курсы, в которых архимандрит Фаддей принимал живое участие. При закрытии курсов в 1908 году он с волнением обратился к слушателям со словом: "Стоя сегодня в последний раз перед вами на этом священном месте, на которое с такой любовью я входил несколько раз во время вашего пребывания на курсах, я не могу не открыть еще раз уста свои и не напомнить еще раз вкратце, о чем более всего хотелось мне говорить с вами.

Мне хочется еще однажды засвидетельствовать вам, что я чувствовал себя снедаемым огнем желания возвестить вам о славе Церкви Христовой, о том, как вам, деятелям школы церковной, ввести в ограду Церкви те пути жизни вашей, которые от этой ограды в тех или иных отношениях уклонялись. Этот огонь понуждал меня говорить вам здесь и преподавать уроки духовной жизни. Он влек меня в беседах учебного характера показать, что и как можно сделать для того, чтобы жизнь народа, вами просвещаемого, стала истинно христианскою. То же самое влекло меня и к личным беседам с вами, из которых хотелось мне узнать, какие благоприятные условия или затруднения встречает каждый из вас в деле распространения света Христова по личным обстоятельствам и настроению, а узнав все это, помочь по мере данных мне сил. Христос и Его Церковь, жизнь во Христе под сенью Церкви – вот чем пламенела душа моя, когда стремилась к общению и беседам с вами, деятелями церковных школ, и в минуты наибольшего духовного просветления хотелось бы сказать: этого желаю более всего для вас, это сокровище духовное более всего хотелось бы видеть распространяемым вами посредством школы... Не из обилия слов, накопившихся вследствие

долговременных упражнений в речи, состояли эти беседы, но из слов, переплавляемых испытаниями жизни, бывшими в разных местах моего служения. И мне приходилось иногда как бы снестать тот свиток книжный, который... исписан был внутри и снаружи словами: "плач и стон, и горе" (Иез. 2, 9, 10); и мне приходилось быть снедаемым огнем ревности при виде того, как унижается слава Церкви Христовой, и испытывать подобное тому, что испытывал пророк, падая на лицо свое и вопия: "Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля?" (Иез. 9, 8)".

Многолетние труды архимандрита Фаддея по созиданию своей души в духе христианской любви, труд на пользу Церкви привели его к служению архиерейскому. Вскоре стало известно, что он должен покинуть Олонецкую Духовную семинарию и город Петрозаводск для рукоположения в сан епископа. Отъезд пришелся на зиму, на самые суровые морозы. Весть о расставании с отцом ректором, к которому все за шесть лет его служения привыкли, словно пробудила от спячки. Многие из воспитанников Духовной семинарии, несмотря на зимнюю стужу и метель, направились в Петрозаводск, чтобы проститься с архимандритом Фаддеем и в последний раз получить благословение того, кто своей кротостью, глубокой молитвенной настроенностью и верностью в служении Богу благотворно воздействовал и на их сердца, приуготовив их для принятия благодати Духа Святого, веры живой, истинной, приводящей человека в полноту меры возраста Христова.

От лица преподавателей семинарии и членов училищного совета была прочитана речь¹. Выступали с прощальными речами священники, учителя и воспитанники Духовной семинарии, один из которых заметил, что отец ректор прежде всего и всегда видел в каждом из них человека, что они никогда не слышали от него резкости, колкости, ничего обижающего, отношения с ним были очень просты, а двери его дома были открыты для всех, нуждающихся в его совете и помощи.

20 декабря 1908 года в городе Владимиро-Волынске в храме Христорождественского монастыря состоялось наречение архимандрита Фаддея во епископа Владимиро-Волынского. При наречении архимандрит Фаддей, в частности, сказал: "Честнейшие и возлюбленные о Господе архиереи и отцы! В настоящий час, когда волею Божиею настало мне время воспринять высшее служение епископское, дерзаю сказать нечто странное и, быть может, неуместное: весть о призвании меня к этому служению, от которого усиленно хотели бежать святители Иоанн Златоуст и Григорий Богослов, как бы не была для меня совершенно новою и неожиданною. И это не потому, что я считал себя готовым и достойным великого служения. Увы! я считаю себя немощным и слабым. Мои естественные помышления и чувства побуждали бы меня, как некогда Моисея, ссылаться на свое косноязычие и тому подобные причины неспособности или бежать, как пророк Иона, если бы не опасался я гнева Божия. И вот я все-таки не внимал этим естественным помышлениям, прислушиваясь и к иным голосам изнутри и извне, призывавшим меня, как мне казалось, к служению епископскому. По мере приближения дня призвания к епископству, во мне усиливалось какое-то невольное предчувствие того, что время уже близко. Разные предзнаменования, которым я, однако, не дерзал доверяться, чтобы не обмануться, сопутствовали моим тайным предчувствиям. Голос людей верующих и благочестивых в обители и в мире предрекал неоднократно мне призвание к этому служению и не в отдаленном будущем. Промысл Божий, управляющий

путями жизни человеческой, как бы видимо подготавливал меня к настоящему служению...

Казалось бы, после этого нужно было всем сердцем подчиниться воле Божией и "возжелать" епископства как "доброго дела" (1 Тим. 3, 1), – конечно, не ради почестей и власти или иных преимуществ епископства, которые могут прельщать лишь не видящих или не желающих видеть истинного существа и задач епископского служения, но возжелать как подвига пасения стада Христова, свидетельствующего по преимуществу о любви ко Христу, доказываемой самим делом, возжелать так, как распалеймый любовью Христовой Игнатий, ныне празднуемый, жаждал быть смолотым и съеденным зубами зверей, который имел в себе воду живую, говорящую в нем: "гряди ко Отцу"! Таким подвигом издавна представлялось мне служение епископское: оно представлялось мне окончательною смертью для "мира", совершенным гробом для всяких себялюбивых желаний. Но вот чувствую я, что не умерли еще они во мне, что нет в душе моей огня Христова, который сжедал душу Богоносца Игнатия, что косна душа моя для подвига пасения стада Христова, если понимать его в истинном смысле этого слова, а не так, как ложные пастыри, услышавшие грозный суд Господа через пророка: "горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих... а овец Моих не пасли" (Иез. 34, 2, 8)! Не говорю уже о том, что при своем малом знании практической жизни я помышляю о первых будущих шагах своего епископского служения с таким же страхом, с каким начинающее ходить дитя делает свои первые самостоятельные шаги. Не вспоминаю также об особенных трудностях епископского служения в настоящее время, по слову Господа, столь оскудевшее верою и любовью Божиею и столь отличающееся "умножением беззакония" (Мф. 24, 12; Лк. 18, 8)...

Итак, чувствуя себя немощным и слабым, "исполумертвым" духовно, я предстою пред вами, честнейшие и богомудрые архипастыри, здесь, в храме, посвященном Христу рождающемуся, прося укрепить мои немощи вашу благодатную молитвою о том, чтобы мне духовно возродиться для будущего служения во славу Христа рождающегося, – отогнать силою сей молитвы мою духовную косность, дабы мне, хотя по повелению, идти неуклонно на тот духовный подвиг, к которому призываюсь, лучше же, чтобы я, "задняя убо забывая, в передняя же простираяся" (Флп. 3, 13), возжелал благодати, которая научает хвалиться о Христе и благодушествовать в немощах (2 Кор. 12, 9, 10)..."

На следующий день состоялась хиротония архимандрита Фаддея во епископа Владимиро-Волынского. Хиротонию совершали архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий), епископ Гродненский и Брестский Михаил (Ермаков), епископ Холмский и Люблинский Евлогий (Георгиевский) и епископ Белостокский Владимир (Тихоницкий).

Вручая жезл новопоставленному епископу, архиепископ Антоний сказал: "Преосвященный епископ Фаддей! По определению Промысла Божия твое положение в жизни с сегодняшнего дня изменяется как во внешнем отношении, так и во внутреннем. О последнем на сей раз говорить не буду: высокие обязанности епископа тебе хорошо известны – "внимать себе и всему стаду". Хочу остановить внимание твое и твоей новой паствы на другом обстоятельстве, на внешней перемене твоего быта. До сего времени ты ничего не знал, кроме храма, класса, проповеднической кафедры и учебно-воспитательного дела. Теперь к тебе прихлынет жизнь разнообразных слоев, с самыми разнообразными нуждами; она будет отвлекать твое внимание в борьбу житейскую, в нужду

житейскую, в дела преступные, которые придется судить, в дела корыстные и лживые, в которых придется разбираться. На тебя прежде всего будут взирать как на носителя власти, как на особу важную, в беседе с которой нужно обдумать слова и выражения.

Переход этот от строго определяемой и подтянутой службы в школе к службе архипастырской для большинства ее носителей есть переход резкий и вождеденный, иногда нетерпеливо ожидавшийся в продолжение нескольких месяцев, даже многих лет.

Но иное будет с тобою, и иные чувства переживаешь теперь ты. Не пользовался ты и раньше преимуществами своего положения, не будешь ими пользоваться и в будущем. Ты не знал собственности, не знал житейских удобств, не был "человеком в мягкой ризы оболченным"; ты сюда приехал на занятия в долг деньги без прислужения и почти без багажа. Правда, ты вывез из своего Петрозаводска, как и из других городов твоей прежней службы, более ценные, в духовном, конечно, смысле, сбережения: многочисленные иконы, как знаки почтительной и благодарной любви окружающих, задушевнейшие прощальные речи и память о множестве прощальных слез, пролитых твоими учениками и сослуживцами. Все это ты привез в особенно драгоценном сосуде, именуемом – смиренномудрие, который не дает расхитить собранных даров духовных помыслам гордыни и самопревозношения, но сохранил их неистраченными до того дня, когда вручивший таланты рабам Своим потребует от них отчета.

Итак, твое отношение к жизни ясно теперь для твоей паствы не на словах, а на самом деле; ты взираешь на жизнь как на крест, на свое положение и звание – как на долг, обязующий тебя к неуклонной работе, на свою власть – как на служение врученным тебе душам. Ты крепко запечатлел на своем сердце Господне слово: "князи язык господствуют ими, и велицыи обладают ими: не тако же будет в вас: но, иже аще хочет в вас вящший быти, да будет вам слуга, и иже аще хочет в вас быти первый, буди вам раб" (Мф. 20, 25-27). Посему, не можем обрадовать тебя умножением почета и власти епископской, а от удобств новых ты все равно совершенно уклонишься и своей добровольной скудости все равно не изменишь. Не может тебя обрадовать земная честь, как не может и опечалить бесчестие. Итак, ничто внешнее не будет в состоянии понудить тебя пойти против совести, лишь бы ты хранил и возгревал тот дух самоотвержения и любви, которому служить ты взялся, приняв монашество.

Что касается тебя лично, то в восхвалениях от людей ты не нуждаешься, как не огорчился бы и осуждениями. Но душа, исполненная ревности о Боге, посвятившая себя служению Церкви, то есть Его стаду, радуется умножению любви между людьми и скорбит, когда видит проявление зависти и злобы. В этом смысле для твоего сердца теперь настали времена лучшие. Подвиг терпения человеческого жестокосердия теперь заменился для тебя иными подвигами, более сладкими, хотя и не менее утомительными: подвигом деятельного служения любви, любви ответной тому запросу, тому призыву, который и доньше, даже в наши лукавые и незаконные дни, обращен к русскому архиерею как со стороны верующего народа и лучших людей общества, так даже со стороны сопастырей и клириков. Правда, последние принуждены по самому своему положению обращаться к епископу с делами служебными, корыстными и даже судебными, а потому далеко не все являются к нему со словом искренним и душевным...

Не смущайся же тем, что твоя сердечная мягкость может сделаться предметом обид и жертвой обмана: от таких случаев не обеспечен ни один начальник, ни строгий, ни снисходительный, но тот, кто тебя пожелает оскорбить или обмануть, будет иметь отмстителем Бога, а кто тебе бескорыстно порадеет и тебя послушается, от Него же получит награду, как сказано: "кто напоит вас чашею воды во имя Мое, потому что вы Христовы, истинно говорю вам, не потеряет награды своей" (Мк. 9, 41). Прими же сей жезл святительский спокойно и покорно. Будь тем, кем ты был доньше и не изменяй своего отношения к жизни в новом твоём положении, но паче умножай веру, свою любовь, свою простоту и свое следование голосу совести и заповеди Божией...

С сим жезлом ты пойдешь впереди твоей паствы, ведя ее к духовному совершенству, впереди, как пастырь добрый, а овцы пойдут за тобою, влекомые примером твоего благочестия".

"Волынские епархиальные ведомости" писали впоследствии о владыке: "Вот уже полгода как Владимиро-Волынскую кафедру занимает преосвященный Фаддей. За это время личность нового святителя выяснилась, и все, кому приходилось соприкасаться с преосвященным Фаддеем, прониклись глубоким уважением к его особе. В частности, жители Житомира... имели возможность почти каждый день созерцать высокие добродетели и душевные качества архипастыря. Глубокая ревность о благочестии, постоянный молитвенный подвиг, проникновенное проповедание слова Божия, исполненное простоты и задушевности, частое посещение учебных заведений, доступность и ласковость в обращении привлекли к преосвященному Фаддею все сердца..."

Находясь на высоком месте святителя, владыка не оставлял своего попечения об учащейся молодежи. Ему хотелось, чтобы выбор человека, вступающего в самостоятельную жизнь, особенно получившего начатки религиозного просвещения, был правильным, чтобы не горькое раскаяние о несправедливо прожитой жизни было у человека на закате его дней, а предчувствие радостной встречи со Христом.

6 июня 1909 года состоялась выдача аттестатов окончившим Волынское женское училище духовного ведомства. Владыка на свои средства подарил всем двадцати пяти выпускницам училища серебряные медальоны с изображением святой Анастасии (нагрудный знак братства святой Анастасии) на серебряных цепочках. По окончании училища предполагалось совершить поездки к православным святыням в Киев и Чернигов, дабы укрепить в вере души молодых выпускниц; двух самых бедных воспитанниц владыка снабдил из своих личных средств на предстоящую поездку.

С 29 июня по 31 июля во Владимиро-Волынске проходили занятия педагогических женских курсов, на которые собрались учительницы церковно-приходских школ и в работе которых владыка Фаддей принимал активное участие. Среди слушательниц курсов была Вера Васильевна Трукс, которая впоследствии стала помощницей и келейницей епископа.

Прослушав образцовые лекции по всем предметам, каждая курсистка давала пробный урок, разбор которого происходил на вечерних занятиях. "Обыкновенно при рассматривании каждого урока сначала давала пояснения сама курсистка; она сообщала тему и цель своего урока, план его и затруднения, встречавшиеся на уроке. Затем высказывали свои замечания курсистки, присутствовавшие на уроке, далее протоколистки, назначенные записывать ход

урока. В заключение выслушивались замечания руководителя того предмета, по которому давался урок, инспектора курсов и епископа Фаддея.

Подобно тому как в хорошо организованной иноческой обители каждый член ее несет определенное послушание, так и на курсах учащиеся поочередно несли принятые на себя обязанности, помимо связанных с занятиями.

Немало содействовало успешности занятий на курсах и то, что все члены курсов составляли дружную педагогическую семью, объединенную стремлением к высокому идеалу учителя церковно-приходской школы.

Особенную радость и оживление вносило... чтение на курсах и частое посещение их преосвященнейшим Фаддеем. Отеческое попечение владыки о курсистках, ласковое обращение, назидание своими прочувствованными беседами, направленными к уяснению вопросов школьной жизни, возбуждали во всех... бодрость духа, энергию и охоту к труду, и дни лекций епископа были для курсов днями светлого праздника..."

На торжественном акте по окончании курсов епископ Фаддей обратился к слушателям с назидательным словом о значении религиозно-нравственного воспитания в школе, призывал курсисток к исполнению учительских обязанностей в духе православной веры, дабы школа продолжала апостольское дело просвещения; говорил о необходимости учителю строго исполнять обряды и установления Церкви, дабы быть для учащихся примером, достойным подражания. "Худо было бы, – сказал владыка, – если бы соль учения обуяла. Учитель и учительница должны постоянно трудиться для просвещения народа, чтобы приносить пользу, а не быть лишь праздными коптителем неба".

После окончания курсов все вместе с епископом Фаддеем отправлялись в паломничество в Почаевскую лавру. Незабываемы были эти поездки. Певчие почти всю дорогу пели церковные песнопения и религиозные народные песни. Когда не пели, тогда беседовали с владыкой. Незабываемы были и торжественные, пронизанные глубоким молитвенным настроением богослужения в монастыре, молитвенное общение со святынями. Все это стало для выпускниц лучшим, светлейшим воспоминанием на последующую жизнь, и когда пришло время тяжелых испытаний, эти воспоминания укрепляли их веру и созидали решимость быть верными Православной Церкви и следовать за Христом до конца.

Теперь, на служении архипастырском, владыка часто посещал города и села епархии. 20 июня 1909 года он проездом из Житомира во Владимиро-Волыньск остановился в Новоградволыньске и отслужил здесь всенощную и литургию. Народ за богослужением заполнил не только церковь, но и почти весь погост. "После заамвонной молитвы владыка поучал народ на тему из дневного Евангелия (об исцелении гадаринского бесноватого), причем, указав на низкую неблагодарность по отношению к Христу Спасителю гадаринских жителей, объяснил, что и мы заслуживаем подобного же упрека, ибо, имея такое дорогое сокровище, как вера православная, не ценим, не бережем его, как показал пример Государственной Думы, среди которой нашлись люди, низводящие православие на один уровень не только с инославием, но и с иноверием. Находя, что главной причиной этого печального явления служит сердце, омраченное страстями, владыка призвал слушателей приложить все старания и заботы к тому, чтобы сердце сделать чистым и всецело предать его Богу.

После литургии владыка посетил Троицкую церковь, где обратил внимание на незначительное число прихожан, собравшихся в храм для встречи; усмотрев в

этом явлении небрежение ко храму, он преподавал краткое, но внушительное архипастырское наставление, как прихожане должны относиться к своему храму. По наставлению владыки, прихожане должны быть связаны со своим храмом самыми тесными узами, должны усердно заботиться о его благоустройении и возможно чаще посещать его".

Из Новоградволинска владыка отправился в село Пилиповичи. Один из очевидцев писал: "21 июня 1909 года останется навсегда памятным прихожанам села Пилиповичи. Господь послал в этот день большую радость: встречать... преосвященного Фаддея, епископа Владимиро-Волынского... Село Пилиповичи находится в восьми верстах от города. Расположено оно по обеим сторонам шоссе; в самом центре села, недалеко от шоссе, стоит храм, деревянный, но чисто и благолепно содержимый. По случаю проезда владыки прихожанами устроен был крестный ход, который, выйдя на шоссе, остановился здесь в ожидании прибытия высокого путешественника. Народу собралось множество... Умилительна была картина религиозного шествия во главе с преосвященным владыкою. Глядя на нее, рисовался в сознании образ доброго пастыря-отца, окруженного любящими детьми... Владыка обратился к народу с горячим увещанием: быть стойкими в вере православной и в преданности Церкви, отдавать в церковную школу детей, чтобы они сознательно усвоили православное вероучение, что при теперешних временах, когда везде свободно рыскают разные лжеучители, крайне необходимо".

По-прежнему владыка вел свой дневник. Он так уже привык к лаконичной и емкой его форме, что и письма его другим лицам были похожи на записи дневника. Он не раз делился с архиепископом Антонием своими впечатлениями от поездок по епархии, и тот, зная, что по своей скромности и смирению преосвященный Фаддей никогда не будет публиковать свои письма, иногда сам передавал их в печать. В одном из писем владыка Фаддей писал: "На престольном празднике преподобного Иова я служил 27 вечером и 28 октября обедню в Мациовском духовном училище; затем вечером же 28 уехал служить в Ковель. Там есть икона святой преподобномученицы Анастасии, которую соорудили жители Ковеля и которую я освящал в апреле, направляясь после Пасхи в Житомир. Собрались кое-какие богомольцы, даже порядочная кучка (имея в виду будни).

Из Ковеля заезжал в Секонь во второклассную школу (уже шесть их посетил). Ехать было темно, но по шоссе нетрудно: дождь мелкий начал идти уже только на второй половине обратного пути. Школа – деревенская, церковность есть. Только я не перестаю печалиться о том, что на Волыни повсюду славянский текст читается почти без перевода и объяснения. Говорят все, что программу требуется более "вводить в дух" читаемого, чем в смысл. По-моему, это нелепость. Худо так сухо изучать славянский текст, как в семинариях и особенно в академиях, но одним псалмодическим чтением без смысла разве можно ввести в дух священных книг? Ведь псалмодическое чтение – для церкви, в школе же на уроках должно быть чтение обычное, да и в церкви оно – не догмат. Учат тонкости грамматики, а живого текста не могут перевести. Я печалюсь об этом, но что сделать, не знаю..."

Не осталась в забвении традиция богословских чтений и лекций, какие устраивались в Петрозаводске. Подобные же богословские беседы устраивались и в Житомире. Чаще всего в них принимали участие в качестве докладчиков архиепископ Антоний (Храповицкий), епископ Фаддей, архимандрит Прокопий

(Титов), иеромонах Митрофан (Абрамов) и епархиальный наблюдатель священник Феодор Казанский. По воспоминаниям очевидцев этих богословских чтений, "слушателей на всех беседах было так много, что многим за неимением места пришлось стоять в проходе и даже на дворе".

4 мая 1910 года высокопреосвященнейший архиепископ Антоний уехал из Житомира в Почаевскую Успенскую Лавру. Во время отсутствия владыки Антония его замещал епископ Фаддей. 9 мая, в день празднования памяти святителя Николая чудотворца, епископ Фаддей был приглашен для служения в храме святителя Николая в село Западинцы Староконстантиновского уезда. Очевидец писал: "В селах, удаленных от просвещенного центра, каковыми можно считать и южную часть Староконстантиновского уезда, очень редко приходится видеть архиерейское богослужение... Кроткий вид владыки, истинного ученика и последователя Христова, по выражению богомольцев, умилительные песнопения архиерейского богослужения, хорошее пение местного хора дало много духовного назидания и сердечного умиления верующим. Чью душу, даже самую черствую, оно не тронуло?.. Тысячная толпа в ожидании назидания владыки как бы замерла. Подобно светлomu ручью, тихо полилась из уст архипастыря мерностройная, глубоко прочувствованная речь, благотворно оросившая сердца верующих. При глубине мыслей трудно уловить детали проповеди владыки. Вот ее общие мысли.

Множество людей, приблизительно так начал владыка, собралось для поклонения святителю Николаю. Это отрадное явление свидетельствует о том, как сильна вера нашего народа в помощь угодника. Но, быть может, не всякий пришел в этот святой, украшенный святынями храм с должным настроением и расположением. Многие, быть может, пришли сюда только потому, что это вошло в обычай – стекаться народу в этот день... Быть может, пришли сюда удовлетворить свое любопытство, а быть может, есть и такие, которые видят в этом многолюдном стечении народа одно гуляние. Всмотритесь, говорил владыка, на каких строгих началах покоилась вся жизнь наших предков. Как строги они были к себе и в своей домашней, семейной жизни, какие продолжительные путешествия по святым местам они предпринимали, как строго постились, как исповедовались, с каким благоговейным трепетом подходили к святой чаше. С глубокой скорбью замечал владыка, что народ теряет это свое драгоценное достояние в последнее время, люди не заботятся о спасении своей души, по своей привязанности к земным удовольствиям уподобляются язычникам, а своими нередко разбитыми от ненормальной жизни телом и душой напоминают евангельского расслабленного".

И снова при наступлении лета открылись во Владимиро-Волынске педагогические курсы, на которых епископ читал лекции в качестве преподавателя. В 1910 году такие курсы устраивались дважды. По окончании их, 19 августа, был отслужен торжественный молебен, который совершал владыка Фаддей соборно с духовенством курсов, а затем состоялся торжественный акт².

30 июля 1910 года состоялся съезд наблюдателей церковных школ Волынской епархии. Среди других постановлений этого съезда было решено, что для того, чтобы поднять уровень преподавания Закона Божия, следует всем законоучителям ознакомиться с методикой и образцовыми уроками по этому предмету, преподаваемыми на Владимиро-Волынских курсах его преосвященством преосвященнейшим епископом Фаддеем, и постановлено "просить преосвященнейшего Фаддея напечатать свою методику Закона Божия и

образцовые уроки в епархиальных ведомостях непосредственно по напечатании общей дидактики".

Став Владимиро-Волынским епископом, владыка объезжал все приходы своей обширной приграничной епархии – посещал каждый приход, в каждом останавливался, предпринимал путешествия в самые глухие места. Были такие приходы, где крестьяне впервые видели архиерея. Вот как описывает одно из таких путешествий епископ: "В сентябре я поехал в северные приходы Владимиро-Волынского уезда: Глухи, Яровище, Крымно, Любожин. Здесь пески зыбучие и болота. По местам ехали по воде чуть не на аршин от земли. Места считаются малопроезжими: архиереи не были в иных местах с шестидесятих годов: в Яровище около церкви только дом священника. Попасть ему в школу иногда нельзя; переехать реку на санях или перейти просто – также нельзя: лед тонок, моста нет; остались какие-то столбы от древнего моста, по которым перебираются с помощью шеста; но если столбы обледенеют, возможны (и бывают) падения в воду. Народ в Яровище к моему приезду не собрался. В других местах собирался, особенно в Любожине, где, несмотря на позднее время, около каждого дома стояли хлеб-соль".

Вечером 14 октября владыка прибыл в Мелецкий монастырь. Из-за позднего часа беседа с иноками была отложена до утра. На следующий день "в семь часов утра при торжественном звоне явился преосвященнейший Фаддей в храм... После обычного молитвословия и многолетий преосвященнейший владыка прикладывался к мелецким святыням – чудотворной иконе святителя Николая и Мелецкой иконе Пресвятой Богородицы. Затем, приняв жезл, произнес приблизительно следующие слова наставления: "Желаю вам, братие святой сей обители, предложить некоторое слово назидания из примера видимой природы и внутренней жизни церковной. Когда в темную, мрачную ночь внезапно сделается светлее и покажутся и прояснятся звезды и откроется все звездное небо – то всякий испытывает большое умиление от созерцания множества небесных звезд, светящих и рассеивающих мрак ночи. Подобно тому и в церкви Божией есть свое духовное небо, солнце и звезды. Солнце – это Христос, а звезды – апостолы и святые Божии, которые именно так и называются в церковных книгах. И подобно звездам небесным, и несравненно больше их, просвещают они землю и человечество, находящееся в темноте и мраке безверия и язычества. Насельники обители, ушедшие из мира, должны всегда иметь перед собою, для назидания ко спасению, это духовное небо – пример жизни Спасителя, святых апостолов и всех святых. Необходимо также всем инокам трудиться, потому что труд предохраняет от грубых страстей и пороков, а от тонких помыслов, с которыми должны бороться обитатели монастырей, врачует непрестанная молитва. Много всяких лишений переносили святые, например, преподобный Иов Почаевский, живший в тесной пещере каменной и всячески смирявший себя. Смирение – это основная добродетель иноков и, как говорят, сокращенный способ спасения – также должно развиваться в монастырях, удаленных от мирской суеты. Сохраняя эти главные добродетели иноческие, живущие в безвестных обителях иноки могут надеяться, что Господь поможет им Своею благодатию и споспешествует во спасение".

24 ноября, в день памяти святой великомученицы Екатерины, владыка Фаддей посетил Зимненский монастырь Владимиро-Волынского уезда. "Храм как на литургии, так и на всенощном бдении был переполнен молящимися. Много было богомольцев – интеллигентов из Владимиро-Волынска, несмотря на

плохую, крайне ухабистую дорогу и сильный холод. В обычное время на литургии преосвященнейший владыка произнес, как и всегда, задушевную, назидательную и в то же время доступную пониманию и простолюдина проповедь о достойном праздновании памяти святой великомученицы. Чтобы, поучал преосвященнейший владыка, настоящее духовное торжество было Богу угодным и достойным нашего христианского звания, необходимо и нам самим, вспоминая жизнь святой великомученицы Екатерины, терпеливо и во всю жизнь переносить болезни, поношения и другие житейские невзгоды. Нужно, говорил владыка, отречься самого себя и всю жизнь покорить воле Божией. Мы должны плоть свою подчинить духу, и чем раньше, тем лучше. В этом заключается великий подвиг, который требуется от каждого христианина. Иначе мы, христиане, подобны будем язычникам. Кто не борется со страстями, тот воздвигает идола в себе самом, которому и служит. Но борьбу со страстями нужно вести не самовольно, иначе можно впасть в самообольщение или прелесть, а нужно всегда призывать на помощь Господа. Если будем бороться вместе со Христом, то и победу будем торжествовать с Ним".

25 и 26 ноября владыка посетил находящуюся во Владимиро-Волынском уезде Охлоповскую второклассную школу. "Трудно выразить словами, – писали о владыке очевидцы, – ту духовную радость, которую испытали все в дни посещений. Безграничная любовь нашего добрейшего владыки Фаддея к школе в особенности заметна в его отношениях к учащим и учащимся. Он до того в своих отношениях кроток, добр и обходителен, что поневоле дивишься той истинно христианской любви, которой так обильно наградил Спаситель нашего владыку. Все его слова и всякий шаг его дышит неподдельной, искренней любовью к своим ближним; в особенности же он любит детей. Отзывчивые на все доброе, святое детские сердца – сердца учеников – сами чуют душу, всецело преданную им, душу, любящую их без границ, и сразу идут к нему, сразу поддаются его доброму влиянию... Но в самом деле, что влечет так нас и учеников наших к владыке Фаддею, как не та, пребывающая в нем истинно-христианская любовь, о которой пятнадцать веков тому назад говорил великий учитель Церкви святой Иоанн Златоуст, что "ничто не может привлекать так, как любовь". Да, наш преосвященнейший Фаддей поистине имеет "главу добродетелей" – любовь. Он всех любит. Он любит даже врагов. Ему чужды даже мысли об осуждении кого бы то ни было или чего бы то ни было. Нам понятны теперь слова святого Иоанна Лествичника: "кто приобрел любовь, тот устранился от вражды".

В своих письмах владыка так описал путешествия по епархии. "24 сентября я поехал из Владимира с таким расчетом, чтобы служить вечером того же дня в Любомле всенощную, а 25 – обедню. Посетил Пузов и Мосур, где архиереи были хотя не десять лет тому назад, но все же более пяти. Дорога была очень плохая, не хотели нас и везти иначе, как очень кружным путем; встречались по пути по местам болота (есть и деревня по пути с названием Заболотье). В Любомле собралось людей к богослужению достаточно, особенно к литургии. Вечером посетили по дороге Вишнево (более пяти лет не посещался приход епископами), затем приехали в Штунь на храмовый праздник. Церковь маленькая, и народ переполнял ее как за всенощной, так и за литургией. Приход не посещался более пяти лет. Вечером посещен был Радзехов (не посещался более пяти лет). Из Радзехова возвратились в Любомль, а на другой день посетили глухие места Полапы (неизвестно, когда посещались) и Забужье (с 1892 года не посещалось). Вечером приехали в Бережцы (не посещались с 1897 года). Долго нас здесь

ждали (до девяти часов вечера), а когда мы приехали, в начале десятого вечера, народ расходился. Пришлось посетить церковь утром, когда народ уже не собрался в прежнем количестве, отвлеченный работами... Вообще места здесь не во всякое время года достижимы, особенно Полапы и Забужье. И народ там какой-то одичалый с виду... Посещал еще приходы в октябре. Так побывал в Новоселках (не посещались с 1897 года) и Хворостове (не посещался с 1898 года). Проезжали через Овлочим, Туричаны, Перевалы и Сомин, но в Овлочине в восемь часов вечера посмотрели только церковь, народ нельзя было собрать, в Перевалах около десяти часов вечера все спали, в Сомине я был как-то ранее, а в Туричаны не предполагал на сей раз заезжать. Около двенадцати часов ночи возвратились в Мацiov. Там был я на уроках и уже не раз в этом году, а 28-го, в день храмового праздника, служил там. Народу было много и за всенощной, и за обедней. Везде проповедовал, стараясь говорить как можно раздельнее и внятнее. Ездил еще в Зимно. Был в Орани, где архиереи, неизвестно, были ли. Там дом священника сгорел, и священник живет в соседнем Воцатине. Собралось несколько человек крестьян в церкви, и я беседовал с ними. В Воцатине видел священника Орани, уже старца, но, видимо, деятельного; прихожане говорили, что он поучает их часто. Посетил и церковную школу в Воцатине – убогую, с земляным полом. Затем поехал в Бортнов, Поромов, Михалье, Изов, приходы, не посещенные епископами с 1897-1898 годов. Народ собирался хотя не в большом количестве, но все же более или менее достаточном...

9 декабря отправился в Ковель и попал в Ровно на другой день утром. Освящение общины Красного Креста было обставлено большой торжественностью; в слове своем упомянул даже о бесшумном характере действия истинно христианской любви, не догоняющего славу, а догоняемого ею; сравнил также христианскую любовь и с толстовскою, и культурно-гуманною; люди слушали, потому что сказано было все в виде "рассуждения". В тот же день направились в Дермань, где радушно встречены были отцом архимандритом Пахомием^b. Утром на другой день посещали уроки. Преподаватели преданы делу и воодушевленно рассказывают предмет урока. Церковности как будто еще больше стало, чем в прошлом году. Вечером в субботу и утром 12-го служили; проповедь, кажется, и на сей раз слушали не без внимания. Народу было много. Сегодня воспитанники прислали даже четки. Вечером приехали в Острог, куда просили нас прибыть на молебен благоверному князю Феодору – к семи часам. Маленькая неудача случилась с омофором, который никто не мог надеть, кроме гимназиста, о чем после, к сожалению, узнано; и я, значит, полагался на "извозчиков" (которые "всю географию расскажут"), которых на сей раз и не случилось; нужно, значит, теперь и самому узнать "географию" омофора. Говорил речь о встрече. Народу было немало. Собор внутри невесел, совне красив; кроме того, он мал. На другой день посещали учебные заведения Острога, особенно гимназии мужскую и женскую (или училище Братское графини Блудовой); в первой имели и пребывание временное. Встретили в обеих гимназиях "по-церковному": певчие шли с пением тропаря греческого распева до церкви, равно как потом и провожали с пением (в обеих гимназиях). Колокольный звон не забыли. Говорил я в обеих гимназиях речи после обычного краткого молебствия, затем шел на уроки. По Закону Божию знают очень хорошо, особенно в мужской гимназии. В женской, кроме того, в 8-м

---

^b Архимандрит Пахомий (Кедров) – впоследствии архиепископ Черниговский.

классе спрашивал я по педагогике (отвечали хорошо) и... по славянскому языку. Последнее обстоятельство, то есть ответы по славянскому языку, особенно меня прельстило: ведь давали ответы, которых не могут дать многие семинаристы и епархиалки! Вот бы так учить славянский язык во всех гимназиях! Предложили мне еще слушать пение воспитанниц – общее и певчих. Знают петь на гласы, первые воскресные стихиры поют наизусть. Вечером предложено мне было побывать на молитве (перед которою зашел я в один класс посмотреть, как занимаются, и спросить учениц о том и другом). Чинное стояние, коленопреклонения, молитвы за живых и усопших очень напоминают духовное женское училище, как и вообще получается довольно приятный самообман в этом отношении. Утром 14-го оставили Острог и приехали в Полонное, грязное, необъятное (изъездили верст тридцать по Полонному), хотя невидное местечко. Посетили все школы и церкви; в четырех говорил я проповеди. Есть церкви хорошие, но не все. Вечером 15-го едем в Новоградволинск, проезжаем через Барановку, и вдруг... свет в церкви, затем звон в колокола! Я почти и не подозревал о существовании Барановки и в поздний час не ожидал никак встречи, но как миновать?.. Народу собралось много, оказывается давно ждали; священник встречает с речью, напоминая, что ожидают назидания... Я говорил об апостолах Петре и Павле, в честь которых храм, об отношении к их писаниям христиан древних и нынешних... 18-го утром, посетив министерское двухклассное училище, послушав ответы учащихся и пение, поехали в Ровно по шоссе. Прибыли еще за час до всенощной. Народу было много. Собор все-таки не такой маленький, каким он показался мне с первого раза почему-то... Немало было людей и вечером за акафистом; обыкновенно же, говорят, бывает мало людей за этим акафистом... Проповедь как будто слушали тоже не без внимания (за обедней). Ровно было последним этапом путешествия, ночью я выехал в Ковель, а утром во Владимир..."

23 января епископ Фаддей выехал из Владимиро-Волинска в Зимино, Бубнов, Ляхов и Порицк. В каждой церкви он проповедовал, везде посещал дома священников. В Порицк владыка прибыл уже в восемь часов вечера, но народ ожидал его, и была устроена встреча. Владыка сказал слово о святом Клименте, папе Римском, память которого праздновалась в тот день.

Двинулись дальше около десяти часов вечера. Снег к тому времени стоял, дорогу развезло, наступила кромешная темень, и путь пришлось освещать факелом. В Охлопово приехали полпервого ночи. Священник встретил епископа на крыльце, здесь остановились ночевать. На следующий день епископ Фаддей посетил школу, был на всех уроках, так что в Дружкополь выехали в половине третьего. В Дружкополе владыка посетил церковно-приходскую школу и экзаменовал учеников по всем предметам учебного курса. Школой владыка остался доволен. После школы он посетил церковь и затем дом священника, где беседовал с собравшимися туда учителями.

Из Дружкополя епископ Фаддей выехал в шесть часов вечера. Полил сильный дождь, грязь на дороге увеличивалась, и ехать становилось все труднее, но он решил продолжать путешествие. В селе Квасове епископа встречала масса народа, с фонарями и свечами. В храме владыка произнес проповедь о покаянии, люди слушали его с сосредоточенным вниманием, в безмолвии и тишине. Из храма епископ прошел в дом священника. Увидев его бедность, он пообещал перевести его в лучший приход, что сразу же по возвращении во Владимиро-Волинск и исполнил.

Из Квасова проследовал в село Княже. Церковь горела огнями, собралось множество народа, к которому владыка обратился с проповедью. Около десяти часов вечера епископ пришел в дом священника, где остановился на ночлег. На следующий день владыка осмотрел церковно-приходскую школу и отправился в село Лудин, где церковь в то время была без священника. Храм был ветхий и содержался бедно. Частая смена настоятелей отражалась и на приходе, но народу встречать епископа собралось довольно. "Слово владыки здесь было о злых виноградарях. Хозяин виноградника – это Господь; виноградник – Церковь Его: сперва ветхозаветная, а потом – новозаветная. Точило – яма, куда выжимают виноградный сок, – это алтарь, жертвенник; ограда – заповеди Божии, а столб – сторожевая башня – это служители Божии, пророки, апостолы и их преемники-епископы и священники, поставленные на страже спасения. Наследник – Иисус Христос. Евреи не признали Христа Сыном Божиим, увели Его из града на Голгофу и распяли; священников и пророков били и убивали, и Господь наказал их отвержением и рассеянием.

Царство их отдано другим, и в Церковь Христову вошли язычники. Мы, русские, приняли благовестие Евангелия и предназначены ко спасению (как и другие народы) вместо евреев. Но слушаемся ли мы Господа, слушаемся ли постановленных от Него пастырей? Сколько обид, сколько притеснений от пасомых получают они! Забывают теперь люди слова Божии: слушай пастырей, Мене слушает, а отменяйся их – Мене отменяется. Если мы потеряем веру, как евреи, то и нас могут постигнуть разные беды, и наше царство отдастся иному народу. Разные болезни, неудачи, Японская война, голод, землетрясения, пожары, градобития – все это предвестники гнева Божия. Господь являл нам и великих пастырей: Иоанна Кронштадтского, Феофана Затворника, схииеромонаха Амвросия и других, которые призывали нас к покаянию. А голос совести, угрызания которой чувствуют самые большие злодеи? Покаемся же, потому что Бог поругаем не бывает, и участь грешников та же, что и злых виноградарей, не хотевших отдать хозяину плодов от его виноградника: злых зле погубит".

Во время путешествия при объезде приходов приходилось говорить по шесть проповедей в день. Иногда почти все село выходило встречать епископа. Но не всегда было так. В приходе Старо-Порицка, куда владыка прибыл 26 января, почти никто не пришел встречать его. Если бы не ученики, выпущенные на перемену из двухклассного училища, то и беседовать епископу было бы не с кем. Следующий приход – село Жджары, на самой границе Российской империи. Отсюда уже были видны униатские храмы. Дорога совсем испортилась, лошади выбились из сил и едва тащили экипаж. Множество прихожан спешили навстречу епископу. Речь владыки была на тему 5-й главы первого послания к Фессалоникийцам: вразумляйте бесчинных; не воздавайте злом за зло; непрестанно молитесь; о всем благодарите; вся испытующе доброго держите. Владыка узнал, что в этом селе особенно распространено пьянство, непочитание праздников, хулиганство молодежи. На эти явления и указал епископ, произнося проповедь. Слово владыки было вдохновенное, со властью.

27 января вечером епископ Фаддей приехал в приход села Грибовицы. Народу собралось благодаря праздничному дню много. Епископ говорил о святителе Иоанне Златоусте, об истинных пастырях и ложных, о почитании священного сана, о том, что в настоящее время развелось много самозванных учителей, которые бунтуют народ, научают его на злое, отвлекают от Церкви

Божией, от повиновения властям и стараются приобрести его доверие спаиванием и подкупами.

Слово епископа имело огромное значение, так как в это время происходили выборы волостного старшины, вокруг которых разыгрались страсти. На следующий день старшиной был выбран честный и благонадежный человек.

На протяжении путешествия епископ посещал все церкви и школы и везде произносил поучения, поднимая дух паствы, ободряя пастырей и объединяя всех в общей молитве.

Миновал 1915 год – год войны, зримых страданий, особенно на Волыни, по которой проходила линия фронта. Война как великое, Богом попускаемое испытание многое изменила в людях, но, кажется, недостаточно, и сознание этой недостаточности томило душу. "Как много новых мыслей зародилось в умах общества, – писал епископ Фаддей, – какая новая оценка дается, с одной стороны, всему тому, что почиталось великим и славным у врагов, с другой – всему тому, что в нас признавалось малоценным и не стоящим внимания, осмеивалось, оплевывалось! Какие перлы доблестей и высокой добродетели открывает, например, общество в низших серых слоях народа и как развенчивает почитавшихся самым культурным народом немцев с их кайзером, учеными, философами, уже давно склонными оправдывать обнаруживавшиеся, особенно в нынешнюю войну, звериные идеалы и начала жизни, лишь бы быть их народу "превыше всего"! Какую перемену общественной жизни, по-видимому, обещает все это после войны!.. Но суждено ли этим надеждам осуществиться? Наступит ли действительно обновление земли русской, несущей новые заветы Христовой любви и народам всего мира? Одному Богу это ведомо... Ведь забыли мы уже уроки великой Отечественной войны 1812 года, когда Господь послал врагов лютых на наше отечество, чтобы не перенимали мы их обычаи. А между тем, разве не продолжали мы перенимать, забывши все уроки прежнего времени, делать строй своей жизни, по подобию Запада, все более и более языческим, вместо древнего, христианского, православного? Неужели повторится это и после нынешней, небывало тяжелой войны? Какого же тогда наказания был бы наш народ достоин?.."

Сбылась заветная мечта владыки Фаддея, к осуществлению которой он был устремлен, когда был еще мирянином, – стать учителем; теперь он был учителем-архипастырем и много времени и сил употреблял на дело народного просвещения, на повышение образовательного уровня законоучителей, на совершенствование программ курсов, собиравших учителей как церковно-приходских школ, то есть духовного ведомства, так и светских школ министерства народного просвещения. С каждым новым набором курсов совершенствовалась система преподавания, вводились новые методики обучения для всех предметов начальной школы, чтобы облегчить и преподавательский, и детский труд и сократить время, необходимое для усвоения предметов, которые были в учебных планах и программах. На курсах читались лекции по методике преподавания славянского языка, общей дидактики, русского языка, арифметики, церковного пения, природоведения, экспериментальной психологии, сельского хозяйства, гигиене, школьному строительству. В начале занятий курсы посетил синодальный ревизор, помощник имперского наблюдателя церковных школ, действительный статский советник В.Т. Георгиевский, который в течение трех дней прослушал почти всех лекторов курсов, видел занятия слушателей курсов со школьниками и

составил отзыв, который он подал высокопреосвященнейшему Антонию, архиепископу Волынскому.

"Я давно не переживал таких светлых минут, – писал он в своем отзыве, – какие я пережил в течение трех дней пребывания на учительских курсах в Житомире! Что за человек этот кристально чистый, как драгоценный сосуд из горного хрусталя, владыка Фаддей! Какой чистый, как из усердно возженной лампы, струится от него теплый мягкий свет. Как он ласково греет и затем воспламеняет сердечные чувства, увлекая на все чистое, святое и доброе. Его лекции, полные эрудиции, новых и интересных доводов в защиту и уважение идеалов церковной школы, доставили мне так много истинных наслаждений, и, нет сомнения – они глубоко западут в чуткие и восприимчивые сердца учительниц церковных школ – этих скромных тружениц наших – и принесут сторичный плод. Порадовали и они меня: скромные, покорные, усердные, готовые трудиться до изнеможения в аудиториях и в образцовой школе и, наконец, в храме за долгими монастырскими службами... Церковное пение – гласовое, обиходное, гармоническое, клиросное и прочее, составляет душу курсов. Хороши также и пробные, и образцовые уроки..."

В сентябре 1916 года состоялся перевод епископа Фаддея на Владикавказскую кафедру в связи с болезнью епископа Владикавказского Антонина (Грановского). 9 сентября было устроено прощание со священниками и учителями церковных школ Житомира. Говорились речи, в которых владыку благодарили за его труды. В ответном слове епископ Фаддей сказал, что он всегда любил школьное дело и с самого детства мечтал о педагогической деятельности, связанной с пастырством. Став пастырем, он прежде всего был пастырем-педагогом, что некоторые при начале его пастырской деятельности считали односторонностью. Тою же любовью к школьному делу проникнута его деятельность как архипастыря. С особенной любовью владыка вспоминал педагогические курсы. Много ему пришлось поработать на них, иногда без отдыха, до изнеможения. Но и слушатели, в свою очередь, работали так усердно и вдохновенно, с таким подъемом, что невольно увлекали других.

Присутствие епископа Фаддея на этом празднике прощания создавало особенную обстановку. Учителя окружили владыку, потекла беседа, не хотелось верить, что, может быть, последние часы проводит владыка среди школьных тружеников. Один из учителей от лица всех присутствующих обратился к владыке с речью. Он говорил о том, что тяжела ноша учителя церковной школы, которая, будучи христианской и церковной по своему характеру, не всегда пользуется симпатиями тех, от кого зависит улучшить ее благосостояние, и потому часто бывает материально необеспеченной, а от этого, конечно, страдают и ее работники. Трудно пришлось бы церковной школе, если бы у нее наряду со многими врагами не было надежных друзей. И вот таким-то лучшим, просвещенным другом церковных школ является владыка Фаддей. Его простота и доступность, всегдашняя готовность прийти на помощь учащим церковных школ сделали преосвященного владыку Фаддея за восемь лет служения на Волыни родным, близким и дорогим всему церковно-школьному миру Волыни, а особенно тем, кто имел счастье видеть владыку Фаддея у себя на уроках, на экзаменах, иногда и за трапезой в своем кругу, молиться с ним за церковными богослужениями и назидаться его вдохновенными поучениями.

11 сентября епископ Фаддей выехал к месту своего нового служения – во Владикавказ, куда прибыл в Неделю по Воздвижению и, не заходя никуда,

проследовал в кафедральный собор и отслужил литургию. В своем слове после службы владыка сказал: "Волею Божией должно было мне, братие, прибыть в здешний край по случаю болезни преосвященного Антонина. Долго ли придется мне пробыть здесь, ведомо Богу. Я же должен был оставить Волынь, сделавшуюся для меня как бы новым отечеством, и идти, куда указывает Господь. Строить планы и предположения относительно будущей деятельности при подобных обстоятельствах особенно неуместно, хотя, впрочем, и вообще пастырю следует делать то, что ему указывает Бог, исполнять волю Божию, правда, сознательно и свободно, но все же не предпринимая ничего по собственной лишь воле. И для пасомых главная мудрость жизни в том состоит, чтобы под руководством пастыря "познавать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная" (Рим. 12, 2). С послушания данной заповеди начал Господь духовное воспитание первозданного человека, и наоборот, воля собственная воздвигает стену разделения между Богом и человеком.

Я не могу сегодня говорить пространного слова, будучи утомлен путешествием, не будучи в силах и не имея времени собрать для того своих мыслей: я прибыл сюда для служения в храме прямо с дороги. Попутно скажу, что в этом вижу как бы указание на лучшее и высшее средство общения пастыря с паствою своею – в молитве и служении слова, что и апостолы называли главнейшими обязанностями пастыря (Деян. 6, 4). Молитвенное общение протягивает нити незримого, духовного единения между пастырем и паствою, слово же скрепляет эти нити общения, без которого не может быть благополучным возрождение духовного виноградника – Церкви Христовой. И если много существует отраслей деятельности пастыря, то пусть молитва и слово будут лучшим воздухом, обвевающим все прочие дела и отношения пастыря, лучшими соками, исполняющими все разветвления его деятельности".

Остановился владыка Фаддей в доме епископа; каждое утро он уходил в храм, после службы приносил больному просфору и святую воду и подолгу сидел у его кровати. Тот говорил о своей скорой смерти, владыка Фаддей отвечал:

– Вам бы, владыка, надо послужить литургию, причаститься, и выздоровеете.

Тот не верил. Но однажды епископ Фаддей взял его за руку и поднял с постели. Утром епископ Антонин поехал в собор, отслужил литургию, причастился – и выздоровел.

1917 год застал епископа Фаддея на Владикавказской кафедре. На новогоднем полнотном молебне в кафедральном соборе владыка сказал: "В новый год вступает обыкновенно человечество с надеждами обновления жизни. "Что-то принесет новый год?" – думают про себя многие люди, иные же пытаются даже гадать о новом счастье, какое судьба им обещает, и это ожидание нового делается в них напряженным до странности. Жизнь, думают люди, непрестанно сама собою движется вперед, а потому несет с собою и обновление человечеству... А наука неустанно трудится над открытием новых путей жизни, более совершенных и счастливых, чем знали люди прежде. Как же не ожидать нового счастья и благополучия впереди с каждым новым годом?"

Но когда люди из области этих мечтаний переносятся в грустную действительность, то видят, что мечты о новом счастье, об обновлении жизни часто рассеиваются, как дым. Год новый, а настроение у людей прежнее, старое, изветшавшее. В начале войны так надеялись на обновление. Так думали, что если и проливаются потоки крови, то ими очищается и обновляется наша земля,

стряхивает с себя залежавшийся сор мелких страстей, души наполняются новыми мыслями, порывами, которыми обновляется жизнь всей страны, перестраивается заново. И подлинно, как в начале войны охвачены были едва ли не все, от мала до велика, жаждою подвига, всяких жертв, трудов на благо отечества! "Все для войны!" – слышалось отовсюду. Сколько было юных добровольцев, шедших защищать отечество! Сколько юных подвижниц в лазаретах, отдававших дни и ночи уходу за ранеными совершенно бескорыстно! Сколько трудов проявило общество во всех учреждениях, школах, чтобы применить свои силы и способности на благо отечества! Как наполнялись храмы! Как дни и ночи шли туда, забывая о веселье в домах и на улицах! Как же было не надеяться на обновление страны, видя все это! как не проникаться радостными надеждами?

Но, к сожалению, так кратковременны были все эти порывы! Как постоянно меняются моды, так и эти порывы скоро же стали сменяться совсем иными. Как эти порывы теперь оскудели, охладели, иссякли! Как опять постепенно и неизменно стало втесняться в души людей "ветхое" себялюбие, и многие люди стали говорить про себя не "все для войны!" – а все для собственного блага, в том числе для него же и война! Вместо подвига и труда для блага отечества опять выступила древняя как мир жажда наслаждений: кинематографы и места увеселений самых низменных наполняются без меры, объявления газетные стали пестреть такими обещаниями, при чтении которых начинает казаться, что общество может находить удовольствия лишь валяясь в самой зловонной грязи порока. Вместо прежних жертв, когда отдавались последние почти копейки, отказывались даже малые дети от некоторых блюд на обеде, только и слышим, как все стараются об усиленных окладах, об умножении денег для увеселений, нарядов, большей роскоши жизни, отдавая ради этого иногда и себя с самою совестью, душою и телом; так опять вместо обновления заявляет себя древняя, еще ветхозаветным мудрецом изображенная и обновившаяся разве в своей силе ненасытимостью, у которой две дочери: "давай! давай!" (Притч. 30, 15). Где же обновление? Казалось, война обновит общество, и вот всюду еще большее духовное обветшание, и оттого конца войны доселе все не видится. Заснула совесть беспробудным сном у этих суетно веселящихся, обогащающихся, и не могут их привести в чувство ни кроткие увещания словесные, ни громы обличений, ни страх тяжелых наказаний.

Не оттого ли это, что люди забыли источник самый, из которого обновляется их жизнь?.. Как постройка, обветшавшая с годами, становится все неспособнее к возобновлению, все в ней постоянно рушится, новым частям не к чему прочно прикрепиться, так точно как бы ветшает все более без Христа и духовная жизнь человечества. Вымирает в душах как будто все большей и большей части человечества живившее их христианство, хотя люди не признают того, думая, что все идет вперед и обновляется. Когда им укажут на пустеющие храмы, они заявляют, что не по полноте храмов нужно судить о христианском настроении общества, а по делам христианской любви. Когда же спросят их, где же эти дела Христовой любви, когда всюду лишь жажда себялюбивого веселья, обогащения и тому подобного, то начинают ссылаться на обветшавший строй, как будто строй этот – не последствие собственной их жизни, если разуместь жизнь духовную, последствие этой жажды веселия, обогащения, равнодушия к общественному благу, способных одинаково процветать при всяком строе.

Так мрак духовный огустил над землею, и с обновляющимися годами еще не видно зари истинного духовного обновления. Скорбь великая на земле, какой

не было от начала, быть может, мира, как говорит Господь (Мф. 24, 21). Единственная надежда на то, что не всех покрыв этот духовный мрак, что не иссяк еще источник духовного обновления..."

21 января 1917 года последовал указ Святейшего Синода об увольнении епископа Антонина на покой, а 28 января – о назначении на Владикавказскую кафедру епископа Макария (Павлова)^с.

"Поезд с вагоном, в котором находился его преосвященство, преосвященнейший Макарий, прибыл на станцию Владикавказ поздно ночью с 27 на 28 февраля, – писали "Владикавказские епархиальные ведомости". – Владыка вместе с сопровождавшими его лицами оставался в вагоне до утра, чтобы дать возможность своей пастве и духовенству приготовиться к достойной встрече своего архипастыря".

В соборе, куда проследовал епископ Макарий на следующий день, его встречало все духовенство во главе с управлявшим епархией преосвященным Фаддеем, который, встречая нового епископа, сказал: "Преосвященнейший владыко! Задержанный бездорожием, я имею честь приветствовать вас по прибытии на место нового вашего служения. Как пробывший здесь недолго, наблюдавший жизнь здешнего края лишь из небольшого угла его, частью же лишь из кабинета, при приеме приезжавших во Владикавказ из дальних мест края и разборе дел, я не могу сделать точного и подробного изображения духовной жизни местного края; это сделают представители здешней паствы, от которой естественнее всего вам выслушать первое приветствие и собрать нужные сведения. Я считаю возможным высказать только самое общее впечатление от духовной жизни местного населения, какое сам вынес за краткое свое здесь пребывание.

Здесь не наблюдал я крепких преданий, на которых, как на прочных основах, покоилась бы духовная и церковная жизнь местной паствы, а кроме того, эти основы подтачиваются и расшатываются сектантством и иноверием; оттого в местной жизни немало духовной разрухи и одичалости. Эти горы, которыми можно здесь любоваться, напоминают не только о восхождении "на гору Господню" духовного совершенства во Христе, но и о горах духовного заблуждения и страстей, от которых гибнут многие души. Но, как и в горах, при углублении в недра их, можно найти скрытые там сокровища, так и я за кратковременное пребывание здесь нашел в душах здешнего народа и некоторые скрытые духовные сокровища – углубленную молитву, углубленное покаяние, жажду слышания слова Божия, от каковой томятся многие души, иные же, истомившись, падают и дичают. Здесь предстоит духовному делателю усиленный труд в поте лица, каковой совершает земледелец или добывающий из недр гор металлы..."

Пребывание епископа Фаддея во Владикавказе произвело неизгладимое впечатление на паству. Впоследствии православные Владикавказа слезно просили, чтобы церковные власти взяли от них епископа Макария и вернули преосвященного Фаддея, о котором они писали, что увидели в нем образ смиренного христианского пастыря. Епископ Фаддей неустанно научал их значению христианского звания и тому, каким образом можно спастись через

---

^с Епископ Макарий (в миру Михаил Михайлович Павлов) родился в 1867 году. В 1901 году был хиротонисан во епископа Бийского, викария Томской епархии. В 1909 году уволен на покой. В 1917 году был назначен епископом Владикавказским и Моздокским. В двадцатых годах уклонился в обновленческий раскол.

православную веру. Это тем более было важно для населения российской окраины, так как она изобилует сектами и население ее многонационально; здесь, кроме русских, жили грузины, осетины, армяне, поляки, евреи. И для всех было поучительно и полезно слышать слово епископа Фаддея.

В 1917 году, после разрушения Российской государственности, Волынь оккупировалась то немцами, то поляками, то петлюровцами. В 1919 году архиепископ Евлогий (Георгиевский) оставил епархию и уехал за границу, и епископ Фаддей стал правящим архиереем Волынской епархии, ввергнутой тогда во все ужасы оккупации, междоусобицы и разрушения. В это трудное время он духовно окормлял и поддерживал свою многотысячную паству. Для населения Житомира его пребывание на архиерейской кафедре было большим утешением. В его лице жители получили бесстрашного защитника всех, кто несправедливо преследовался в то время властями. Самому епископу пришлось принять тогда много скорбей, особенно при петлюровцах: они требовали, чтобы он вел с ними всю служебную переписку на украинском языке, от чего епископ категорически отказался, несмотря на угрозы быть изгнанным за пределы Украины. Когда умер комендант города, петлюровцы принуждали епископа Фаддея принять участие в его погребении, но владыка отказался, так как отпевание проводилось самосвятами-автокефалистами, с которыми, как учреждением неканоничным и противоцерковным, он ни при каких обстоятельствах не желал вступать в отношения.

Когда петлюровцы стали чинить в городе беспорядки и убивать невинных, раздалось мужественное слово епископа, которым он призывал бесчинствующих к миру и братской любви. По всему городу тогда было расклеено воззвание епископа с призывом к властям сжалиться и пощадить невинных.

После захвата Волыни большевиками покинувшие Россию петлюровцы некоторое время еще строили планы создания на Украине повстанческого движения. Осенью 1921 года в Житомир прибыл один из организаторов петлюровского движения полковник Алешин и встретился с епископом Фаддеем. Он сказал, что является представителем Петлюры и Савинкова и давно ведет борьбу против советской власти. Есть уже свои отряды и много сторонников.

– Поскольку мы ведем борьбу с советской властью как верующие люди, – сказал он, – и для нас заповедь "возлюби ближнего своего, яко сам себе", можно сказать, основа всего, то желательно было бы, чтобы вы и ваше духовенство приняли участие в этой борьбе.

Епископ Фаддей ответил:

– Никакого участия в повстанческом движении я не принимал и принимать не могу. И духовенство также не надо втягивать в политическую борьбу.

7 ноября 1921 года чекисты приступили к уничтожению повстанческого движения на Волыни, в котором участвовало по их сведениям около полусотни человек. Один из арестованных рассказал, что посланный Петлюрой полковник заходил к епископу Фаддею. Через несколько дней владыка был арестован.

– Скажите, – спрашивал его следователь, – с кем приходил "полковник" и назвал ли он вам свою фамилию?

– Ко мне приходил и беседовал он один, возможно, что он и назвал свою фамилию, но я теперь не помню.

– Не вспоминается ли вам фамилия Ангел-Алешин?

– Ангел совсем не припоминается. Алешин, возможно, была его фамилия, что-то такое смутно припоминаю.

– Показывал ли вам Алешин какую-либо записку... и говорил ли что-нибудь от имени Петлюры или Савинкова?

– Представьте, что ничего не помню относительно записки... Что же касается разговоров от имени петлюровско-савинковских организаций, то Алешин желал бы, чтобы духовенство выразило сочувствие их движению.

– Поставил ли вас в известность Алешин о том, что в их движении уже принимают участие некоторые священники, и назвал ли он вам их фамилии?

– Что вообще часть духовенства сочувствует идейно, безусловно, упоминал, но персонально фамилий не помню, называл ли.

Сразу же после ареста епископа православные города Житомира написали заявление в Волинскую ЧК с просьбой отпустить владыку. Они писали: "Епископ Фаддей много лет известен в городе Житомире, где нет храма, в котором бы он не богослужил и не проповедовал. Нам известна и его личная жизнь как молитвенника и пастыря. Никогда епископ Фаддей не вмешивался в политику, ничего не предпринимал против советской власти, ни к чему противозаконному никого и никогда не призывал.

Арест епископа Фаддея весьма тревожит все православное население города и его окрестностей, каковое волнуется тем, что лишено возможности молиться со своим любимым архипастырем и пользоваться его духовным руководством.

Все мы ручаемся в том, что епископ Фаддей стоит вне политики, и просим освободить его из заключения под нашу ответственность".

Православными была избрана делегация из шести человек, которой было поручено объясняться с властями.

Но власти не отпустили епископа. В своем тюремном дневнике владыка писал: "После тяжелой ночи на 17 декабря лишь охота есть и спать... Господь все же ослабил томление и печаль немного. Готовят меня к отъезду. 17 декабря прощальные записки от паствы... Был преосвященный Аверкий^d. Говорил, что вопрос о Харькове преждевременный, что не исключена возможность решения моего дела здесь... Владыка Аверкий хочет ехать на Собор в Киев. Дал бы Бог, чтобы атмосфера мрака разрядилась. 19 вечером не принесли чаю: искушение немалое, потому что и воды в тюрьме почти никак не достать... вскипятил чай из сырой воды, оставшейся от утреннего умывания, благо печка затоплена с меньшими усилиями. Илию и врана приходится вспоминать. 20-е – день открытия Собора, а я в узилище. И физическим трудом приходится заниматься: щепать дрова, чтобы можно было жечь легче... Иногда это помогает от холода... и... для бодрости духа бесполезно. А то ведь и унынию так легко приблизиться к душе.

Два дня уже потеплее. 21-го был преосвященный Аверкий, который должен завтра ехать на Собор. Сказал, что мое дело, видимо, пока без перемены, прибавив, что, должно быть, скоро освободят. О, дабы возвратил мне Господь молитву церковную со паствою к празднику. Преподобному Дамаскину^e Божия

---

^d Аверкий (Кедров), епископ Житомирский.

^e Архиепископ Фаддей в крещении был назван в память преподобного Иоанна Дамаскина. Вся жизнь он особенно ревностно почитал этого святого, часто молился к нему. Был глубоким и знающим почитателем сокровищ церковной гимнографии, созданной этим святым подвижником. Как и в случае с преподобным Иоанном Дамаскиным, Матерь Божия в трудную минуту во время последнего заключения святителя Сама вступилась за терпящего унижения архиепископа Фаддея.

Мать разрешила отверсть уста для хвалы Владычице и руку отсеченную врачевала. Хотя бы к Сретению Ныне отпускаеши воспеть...

24 декабря опять стало холодно. Затопил печку утром благополучно, тем более что с чаем замедлили... но принесли. Испытаний много! И томь души посещает: когда, Господи, конец? Ибо иногда напасти сверх сил. Господи, облегчи, дай потерпеть до конца, сократи по милости Твоей! 24-го новое испытание: взяли лампу и все не возвращают. Но, слава Богу, наши принесли свою.

27-го был отец-протоиерей Бурчак-Абрамович с епархиальными делами. Сопровождающий сказал, что мое дело скоро окончится... Боже! защити!..

29-е... объявили, что сегодня меня увезут в Харьков и как будто не дадут проститься ни теперь, ни после... Весть потрясла кости! Нужно принять от руки Божией... но как вынести все?.. Как паства?.. Вагон не могли сдвинуть с места и прицепить; мы остались до вечера 30-го... когда двинулся поезд. Опять бессонная ночь, страдания души за себя и паству малую. Но Бог дал днем видеть и говорить со всеми... Но как тяжело смотреть на их печаль, усиленную томительной неизвестностью! Вечером приходили еще... но не пустили, едва позволил Шаров принять принесенное...

В Киев приехали поздно... Как томительна праздность! И при том в постный день столько хлопот с чаем! Как трудно читать и службы, потому что мысли не собрать, тем более при постоянных разговорах людей новых!.. В субботу вечером засветло (должно быть, около пяти часов) 5 января приехали в Харьков без особых приключений... Меня оставили пока в вагоне. Харьковскому архиерею посылал, но ответа не было. Томительнее все на душе: завтра, 7-го, ожидание допроса. Господи, изведи из темницы душу мою исповедатися имени Твоему хотя в Москве! Разрешит узы!.. Истомилась душа!.. В руку Твоею жребии мои!.."

Сопровождавший владыку начальник секретного отдела Волынской ЧК Шаров, понимая, насколько необоснованны обвинения против епископа, подал свое особое мнение: "Епископ Фаддей как высшее духовное лицо в Волыни... действовавший, безусловно, во вред советской власти, ни в коем случае не может быть возвращен на Волынь. Со своей стороны, считал бы его политически неблагонадежным; как находящегося на Волыни более пятнадцати лет и пользующегося большим авторитетом среди местного населения выслать из пределов Украины в распоряжение высшего духовенства РСФСР под негласное наблюдение местных органов ЧК".

23 февраля начальник пятого-шестого отделения политотдела Соколовский допросил епископа Фаддея. Владыка на вопрос о посещении его представителем петлюровского движения ответил:

– Осенью 1921 года, как-то раз в субботу после всенощной, зашел ко мне проситель, которого я раньше никогда не видел и не знал... Я говорил с ним несколько минут; когда стало выясняться, что он ведет борьбу с советской властью, то я решительно объявил ему, что никакого участия в движении Церковь принять не может, что сам я стою вне политики, тем более вне петлюровского движения, о котором было упомянуто в беседе, так как украинские власти всегда меня теснили как великоросса.

– После этого свидания видели ли вы еще раз это лицо? – спросил следователь.

– Нет, больше я его не видел, я только из допроса узнал, что он на следующий день заходил в собор.

Допрос на этом закончился. 25 февраля ВУЧК, рассмотрев дело епископа, постановила: "Выслать епископа Фаддея в распоряжение Патриарха Тихона с правом жительства только в одной из центральных северных губерний РСФСР и Западной Сибири со взятием подписки о регистрации в органах ЧК..."

9 марта 1922 года епископ Фаддей был освобожден из Харьковской тюрьмы и на следующий день выехал в Москву. По прибытии в Москву он сразу пошел к Патриарху Тихону. Рассказав об обстоятельствах своего "дела" и о том, что его выслали из Украины и вряд ли допустят обратно, он просил Патриарха определить его на кафедру в один из волжских городов, поскольку сам он родился на Волге.

23 июня 1919 года в Астрахани были расстреляны большевиками архиепископ Астраханский Митрофан (Краснопольский) и викарный епископ Леонтий (Вимпфен). 21 сентября 1919 года Патриарх Тихон хиротонисал архимандрита Анатолия (Соколова) во епископа Енотаевского, викария Астраханской епархии. Теперь Патриарх Тихон возвел епископа Фаддея в сан архиепископа и благословил ехать в Астрахань, назначив его на Астраханскую кафедру.

13 марта владыка получил удостоверение патриархии о назначении и на следующий день пошел в ГПУ на Большую Лубянку, чтобы зарегистрировать свой отъезд из Москвы. Здесь ему приказали не выезжать из Москвы, пока его дело не придет из Харькова и не будет рассмотрено Московским ГПУ. Увидев, что отъезд затягивается на неопределенное время, владыка оберегая хозяев, на следующий день переехал с частной квартиры на Валаамское подворье и отправил прошение в ГПУ. Он писал: "По справкам, до настоящего времени из Харькова дело не поступало и, может быть, не поступит, потому что дело мое, как уже решенное в Харькове окончательно, там и будет оставаться. В Харькове мне говорили... чтобы я не задерживался в Москве и по регистрации ехал бы к месту назначения. Я и готов был, но ввиду подписки, здесь взятой, доселе не могу. Поэтому прошу снять с меня подписку и разрешить выехать в Астрахань..." ГПУ, однако, препятствовало его отъезду под разными предложениями.

Находясь в Москве, архиепископ Фаддей принимал деятельное участие в работе Священного Синода при Патриархе. В это время митрополитами Агафангелом (Преображенским) и Кириллом (Смирновым) и архиепископом Фаддеем был составлен документ, в котором были даны ответы на насущные вопросы православных, касающиеся движения новых раскольников – обновленцев³.

Служил архиепископ большей частью на Валаамском подворье. Он часто проповедовал, причем к проповедям готовился с великим тщанием, стараясь, чтобы каждое слово было изнесено из сердца, имело основанием опыт, было растворено благодатью, чтобы все было точно, образно и доходчиво. 11 июля 1922 года, готовясь к проповеди на день памяти преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, он писал: "С именем Валаама соединяется представление о местах сурово-молчаливого, но и величественно-прекрасного духовного подвижничества. Самая природа Валаама находится как бы в соответствии с такими чертами подвижничества его иноков. Суровые скалы острова, поросшие лесом, хранящим какое-то задумчиво-глубокое, даже кажущееся мрачным, молчание. Озеро с сильными и жестокими по временам бурями. Суровая вообще северная природа. Но в то же время горы и холмы острова расположены так красиво, так живописно покрыты зеленою хвоею

деревьев. Воды озера так прозрачны и отражают величественные камни берегов, лес, небо. Воздух чист и в свое время исполнен благоуханием от цветов, растущих на острове. Все это сообщает суровой природе своеобразную величественную красоту. Так и жизнь духовная иноков валаамских исполнена суровых подвигов: молитвы, поста, бдения, разнообразного труда при безмолвии для мира, внутреннем самоуглублении, внимании совести. Конечно, это безмолвие не означает, что все в духовной жизни тихо и спокойно: бывают и бури от волнения страстей и борьбы с ними, каковую еще усиленнее, люте старается поднять враг спасения у безмолвствующих, чем у живущих в миру. Как сильный ветер на острове вырывает иногда с корнем деревья, так среди борьбы страстей гибнут иногда насаждения духовные. Как волнение на озере бывает очень бурным и опасным для пловцов, так и волнения в жизни духовной. Но волны, ударяясь о скалы, бессильно разбиваются, расходятся, постепенно улегаются; то же бывает с волнами страстей, разбивающихся о духовную твердость подвижника. Как зеркально-чистые воды после волнения снова отражают небо, так, когда стихнет волнение страстей в душе подвижника, она начинает отражать красоту небесной жизни. Успокаивается волнение, и тихий голос совести слышится тем яснее в душе безмолвников, что не заглушается вечным шумом мирских страстей.

Все эти проявления духовной жизни, находящие полное соответствие в самой природе Валаама, изображаются и в песнях церковных в честь преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев. "От мирския молвы бегающе, безмолвия и благочестия рачители, в тихое пристанище Валаама от востока приидосте, и в нем Евангельски Христу добродетельми последовавше, на верх совершенства востекли есте". И не только для себя самих достигли преподобные таких великих плодов своего подвижничества, а и для всей окружающей страны. Язычество с его плодами удалилось с острова, процвело христианство с прекрасными рассадниками духовной жизни – обителью Валаамскою, ее скитами и другими обителями.

Но поспешим к собственным душам, чтобы от величественного, прекрасного духовного зрелища что-либо собрать в свои души и унести в собственную жизнь. "От мирския молвы бегающе" говорится о преподобных, а мы в этой суете постоянно живем и погружены в нее всем существом своим; безмолвие, уединение, хотя краткое, многих крайне тяготит. Иногда, правда, душа утомится от этой суеты и ищет уединения, но и там большею частью изменяется лишь место и обстановка, а в душе суета продолжается, лишь одна суета заменяется другою, тяжкая, томительная – приятною, но иногда еще более вредною. Мы не можем уйти от мира сего с его суетою: последний входит в наши глаза, уши и все чувства, хотим мы того или не хотим; так человек, живущий в обществе людей злых, развращенных, по принуждению, волею-неволею видит, слышит все, что делается, уйти же не может. Остается человеку, вращающемуся в суете мирской, устраивать самому для себя искусственное уединение: пользоваться случаями, когда остается человек один, нарочно уходить на время от окружающего шума и суеты, если же этого нельзя, то сосредоточивать ум, движения и волю на том, что действительно нужно для жизни духовной. Пусть не бежит человек уединения как унылой, подавляющей, безжизненной пустоты: и в пустыне есть жизнь. Нужно сосредоточиваться во время уединения на том, что внушает совесть, на внутренней молитве, хотя бы краткой, помогающей поддерживать всегдашнюю сердечную память о Боге, к Нему обращать постоянно духовные очи, в Нем полагать главное сокровище своего сердца (Мф. 6, 20). Неужели же человеку так

невыносимо скучно остаться с самим собою, неужели совсем не о чем побеседовать с душою своею, с Богом в молитве? Когда начнет человек сосредоточивать свои помышления и жизнь сердца более всего около Бога, то шум и бури страстей житейских не будут очень опасны и вредны, они будут разбиваться о камень духовной твердости, какая в душе бывает постольку, поскольку утверждается душа на Христе, непоколебимом камне. Тогда душа находит себе покой, поскольку приходит к Тому, Кто зовет к Себе труждающихся и обремененных, обещая дать им покой (Мф. 11, 28-29)".

В марте 1922 года большевики приступили к изъятию церковных ценностей, началось новое гонение на Православную Церковь. 19 мая обновленцы захватили патриаршую резиденцию на Троицком подворье; Патриарх Тихон переехал в Донской монастырь и вскоре был арестован. Управление Православной Церковью Патриарх передал митрополиту Агафангелу (Преображенскому). Митрополит, лишенный властями возможности переехать для управления Церковью в Москву, составил воззвание. Два экземпляра его были переданы им через ехавшего в Москву священника архиепископу Фаддею и протопресвитеру Димитрию Любимову. Священник зашел к владыке с поручением от митрополита Агафангела узнать, что происходит в Москве и каково мнение московского духовенства и епископата о происходящих событиях. Само послание было вскоре отпечатано в типографии и расклеено на стенах некоторых московских храмов. ГПУ не удалось отыскать типографию, в которой было отпечатано послание, но архиепископ Фаддей и протопресвитер Димитрий Любимов были арестованы.

Это было время, когда уже были расстреляны священники в Иваново-Вознесенске и в Москве, арестован митрополит Петроградский Вениамин, широко шли аресты духовенства и верующих. Ожидая с часу на час ареста, архиепископ Фаддей передал текст послания иподиакону Николаю Давыдову. Тот отнес его к знакомым, а когда узнал, что владыка арестован, сжег. ГПУ обвинило архиепископа Фаддея в том, что он способствовал распространению воззвания, во всяком случае, не мог не знать, в какой типографии оно было отпечатано. Владыка все обвинения категорически отверг.

В сентябре 1922 года по "делу" архиепископа Фаддея было составлено обвинительное заключение: "...распространением нелегально изданных посланий митрополита Агафангела проявил враждебное отношение к советской власти и, принимая во внимание его административную высылку из пределов УССР за контрреволюционную деятельность... Успенского, как политически вредный элемент, подвергнуть административной высылке сроком на один год в пределы Зырянской области".

Из Москвы архиепископа Фаддея вместе с митрополитом Кириллом (Смирновым) перевезли в тюрьму во Владимир.

Митрополит так вспоминал об этом: "Поместили в большую камеру вместе с ворами. Свободных коек нет, нужно располагаться на полу, и мы поместились в углу. Страшная тюремная обстановка среди воров и убийц подействовала на меня удручающе... Владыка Фаддей, напротив, был спокоен и, сидя в своем углу на полу, все время о чем-то думал, а по ночам молился. Как-то ночью, когда все спали, а я сидел в тоске и отчаянии, владыка взял меня за руку и сказал:

– Для нас настало настоящее христианское время: не печаль, а радость должна наполнять наши души. Сейчас наши души должны открыться для подвига и жертв. Не унывайте, Христос ведь с нами.

Моя рука была в его руке, и я почувствовал, как будто по моей руке бежит какой-то огненный поток. В какую-то минуту во мне изменилось все, я забыл о своей участи, на душе стало спокойно и радостно. Я дважды поцеловал его руку, благодаря Бога за дар утешения, которым владел этот праведник".

Передачи в тюрьму владыке Фаддею собирала Вера Васильевна Трукс. Архиепископ целиком отдавал их старосте камеры, и тот делил на всех. Но однажды, когда "поступила обычная передача, – вспоминал митрополит Кирилл, – владыка отделил от нее небольшую часть и положил под подушку, а остальное передал старосте. Я увидел это и осторожно намекнул владыке, что, дескать, он сделал для себя запас.

– Нет, нет, не для себя. Сегодня придет к нам наш собрат, его нужно покормить, а возьмут ли его сегодня на довольствие?

Вечером привели в камеру епископа Афанасия (Сахарова), и владыка Фаддей дал ему поесть из запаса. Я был ошеломлен предсказанием и рассказал о нем новичку".

Не только продукты раздавал владыка в тюрьме, но и все, что получал из одежды или из постельных принадлежностей. Епископу Афанасию владыка отдал подушку, а сам спал, положив под голову руку. Одному из заключенных архиепископ отдал свои сапоги и остался в шерстяных носках. Предстоял этап. Свои передали ему большие рабочие ботинки со шнурками. На этапе, неподалеку от Усть-Сысольска, у него развязался шнурок на ботинке, и он остановился и немного, пока управился со шнурком, поотстал. Один из конвоиров со всей силы ударил архиепископа кулаком по спине, так что тот упал, а когда поднялся, то с большим трудом смог догнать партию ссыльных.

В ссылке архиепископ Фаддей жил в поселке, где вместе с ним были митрополит Кирилл (Смирнов), архиепископ Феофил (Богоявленский), епископы Николай (Ярушевич), Василий (Преображенский) и Афанасий (Сахаров).

Летом 1923 года срок ссылки закончился, и архиепископ Фаддей уехал в Волоколамск. Здесь он жил, а служить ездил в московские храмы.

Осенью 1923 года церковно-приходской Совет при астраханском кафедральном Успенском соборе, состоящий из представителей всех православных обществ города Астрахани, направил прошение Патриарху Тихону, в котором подробно описывалось положение православных в епархии: "В последние годы Астраханская епархия находилась под управлением викарного епископа Анатолия (Соколова. – И. Д.), который в августе месяце прошлого года вступил, по его словам, по тактическим соображениям, в группу "Живая Церковь" и образовал при себе управление из принадлежащих к той же группе живоцерковников. Большая часть духовенства города Астрахани и епархии не признала группу "Живая Церковь" и не подчинялась распоряжениям этого епархиального управления, хотя и не прерывала канонического общения с епископом Анатолием, так как он на словах не сочувствовал названной группе и не отказывался, когда изменяются обстоятельства, выйти из ее состава. Но когда 10 июня сего года общегородское собрание духовенства и мирян города Астрахани после категорического требования епархиального управления и епископа под угрозой всевозможных репрессий немедленно признать Собор 1923 года и Высший Церковный Совет единодушно постановило не считать Собор 1923 года каноничным, не признавать его постановлений и не подчиняться Высшему Церковному Совету, то епископ Анатолий, несмотря на двукратное приглашение, не только не явился на это собрание, но решительно отказался

присоединиться к постановлению собрания и заявил посланной к нему делегации, что он считает это собрание бунтарским против Собора. Тогда собрание тотчас же единогласно постановило считать его отпавшим от Православной Российской Церкви, прервать с ним каноническое общение, не считать его иерархическим главой своих общин и немедленно вступить в каноническое общение с другим православным епископом... Но епископ Анатолий тотчас же после собрания запретил большинство астраханского духовенства в священнослужении, а на днях одиннадцать священнослужителей получили извещения от Епархиального Управления, что постановлением Высшего Церковного Совета они лишены священного сана с признанием их пребывания в Астраханской епархии вредным и с назначением их местопребывания в Веркольском монастыре Архангельской епархии. Не признавая такое постановление законным и обязательным для себя и не подчиняясь ему, духовенство и миряне города Астрахани и епархии, остающиеся верными исконному православию и Российской Церкви, сыновне и почтительнейше просят Ваше Святейшество возглавить Астраханскую епархию истинно православным епископом, чтобы под его архипастырским водительством разъединенное православное население могло соединиться во едино стадо Христово и твердо стоять на страже истинного православия".

Патриарх Тихон внимательно прочитал это прошение. Слова "не признавая такое постановление законным и обязательным для себя и не подчиняясь ему" подчеркнул и написал свою патриаршую резолюцию: "Постановления незаконны". Просьбу астраханцев "возглавить Астраханскую епархию истинно православным епископом" также подчеркнул и написал: "Архиепископом Астраханским... Фаддея".

Вскоре состоялось заседание Священного Синода под председательством Патриарха Тихона, который, рассмотрев прошение православных астраханцев, постановил: "Предложить Высокопреосвященному Фаддею немедля выбыть из Москвы к месту своего служения".

В конце ноября к архиепископу выехали посланцы из Астрахани: соборный ключарь священник Димитрий Стефановский и настоятель церкви Воздвижения священник Василий Смирнов.

"Приехали в Волоколамск поздно вечером, отыскали дом, где жил владыка. Это была большая рубленая крестьянская изба на окраине города. Внутри дом имел три перегородки, за одной из перегородок жил владыка. В комнате стояла железная кровать, у окна – стол. Единственный стул предназначался владыке, а для гостей принесли две табуретки. Владыка принял нас, – вспоминал о. Димитрий, – не то что любезно, а как-то по-монашески кротко. Говорил он тихо и мало. Мы рассказали ему о положении епархиальных дел, о трудностях, переживаемых епархией, об обновленцах. Нас поразила общая скудость обстановки и его бедная одежда, но зато привели в восторг аскетическая внешность, застенчивость и какая-то детская робость. Когда, в конце беседы, мы положили перед ним пакет с деньгами на предстоящие расходы по поездке в Астрахань, владыка густо покраснел, смутился и, отодвигая от себя пакет, сказал:

– Что вы, что вы, зачем же деньги, нет, нет, не надо, я приеду, приеду.

Нам стало неловко, как будто мы сделали что-то очень непристойное или обидное".

После чая, поданного молодым келейником, священники собрались уходить. При прощании владыка сказал им, чтобы они ехали домой одни, его не

дожидались бы, и подчеркнул, чтобы о его приезде не оповещали и не устраивали каких-либо встреч или церемоний. "Вышли мы от него, – рассказывал почтенный ключарь, – и кое-как уговорили келейника взять пакет с деньгами, он долго отказывался и, наконец, взял".

20 декабря 1923 года архиепископ выехал в Астрахань. Ехал один, без сопровождения, в старенькой порыжевшей рясе, с небольшим потрепанным саквояжем и с узелком, где были зеленая жестяная кружка и съестной припас, к которому, впрочем, он не притронулся. Всю дорогу архиепископ Фаддей или читал, поднимая книгу близко к глазам, или молча молился, или дремал. Когда подъезжали к городу, стал слышен колокольный звон. Только лишь поезд остановился, купе заполнилось встречающим архиепископа духовенством. Священники подходили к нему под благословение, искали глазами багаж и с удивлением обнаруживали, что никакого багажа у архиепископа не было.

Владыка смутился торжественностью встречи; выйдя на перрон, он смутился еще больше, увидев толпу встречающих, а на вокзальной площади – людское море. У вокзала архиепископа ожидала пролетка, но она не смогла проехать через толпу, и он в окружении людей пошел пешком. Расстояние до церкви было небольшое, но потребовалось около двух часов, чтобы дойти до нее. Моросил мелкий холодный дождь, было грязно, но это нисколько не смущало архиепископа. Около одиннадцати часов утра он дошел до храма, и началась литургия. Был воскресный день, праздник иконы Божией Матери Нечаянная Радость. Облачение для владыки нашли с трудом, потому что архиерейские облачения хранились в богатой ризнице кафедрального собора, захваченного обновленцами. Облачение привезли из Покровоболдинского монастыря, оно принадлежало архиепископу Тихону (Малинину), мантия – замученному в 1919 году епископу Леонтию (Вимпфену), ее отыскали у одного из монахов Иоанно-Предтеченского монастыря, посох – замученному в 1919 году архиепископу Митрофану (Краснопольскому).

Литургия закончилась в три часа дня, но до пяти часов вечера архиепископ Фаддей благословлял молившийся в храме и собравшийся вокруг храма народ. Ему показали могилу священномучеников Митрофана и Леонтия, и он часто потом приходил сюда служить панихиды.

Сразу же по приезде какие-то сердобольные старушки принесли владыке чуть не дюжину только что сшитого белья; староста храма святого князя Владимира, заметив на ногах владыки старенькие с заплатками сапоги, принес ему хорошую теплую обувь. Все это владыка немедленно раздал нищим. Жил архиепископ в двух комнатах. В первой стоял простой сосновый стол, покрытый цветной клеенкой, три или четыре стула, на двух окнах были кисейные занавески, в углу – образа с полотенцами на киотах. Во второй комнате – железная кровать, покрытая серым байковым одеялом. Первая комната служила столовой, приемной и кабинетом, вторая – спальней. Дом находился недалеко от Покровской церкви. Каждое утро и каждый вечер владыка шел одной и той же дорогой через парк в храм. Каждый раз здесь архиепископа встречали люди, чтобы идти в храм вместе с ним. И долго-долго потом эта дорога называлась "фаддеевской".

Где бы архиепископ ни жил, он не имел ничего своего. Давали ему чай или обед – он пил и ел, если не давали – не спрашивал. Он всегда считал себя гостем и зависимым от того, кто ему прислуживал и помогал.

Архиепископ приехал в Астрахань в разгар обновленчества. У православных осталось десять церквей; обновленцы захватили девять церквей и два монастыря и намеревались захватить остальные. Делали они это так. Обновленческие священники ходили по домам. Войдя в дом, спрашивали: "Ты, бабушка, слыхала, как ругают живоцерковников, а ведь это несправедливо. Они лучше, чем староцерковники. Чтобы помянуть родственников о здравии или за упокой тебе надо идти в церковь, подавать записку, платить деньги, а вот мы будем поминать всех бесплатно. Говори, кого записать?"

Люди перечисляли имена, обновленцы тут же уточняли фамилии, и затем эти списки подавались властям как подписи под прошениями о передаче церквей обновленцам. Власти в свою очередь спешили передать их обновленцам. Затем, спустя какое-то время, обновленцы отдавали эти храмы властям для закрытия, как не имеющие прихожан.

В конце мая к архиепископу Фаддею пришел Аркадий Ильич Кузнецов, духовный сын владыки, юрист по профессии.

– Вот хорошо, что вы пришли, – сказал архиепископ. – Давайте подумаем, что делать с обновленцами. Заберут они все наши храмы. Я думаю, надо бы подать жалобу в Москву и поехать с ней вам и представителям от Церкви.

Перед отъездом архиепископ Фаддей вручил Аркадию Ильичу письмо на имя Патриарха Тихона, к которому нужно было зайти прежде чем идти с жалобой к правительственным чиновникам. Патриарх принял их.

– Вы от Астраханского архиепископа Фаддея? – спросил Патриарх. – Владыка пишет мне о вас, просит оказать содействие.

Патриарх спросил, как живет высокопреосвященный Фаддей, как себя чувствует, как относятся к нему верующие, и сказал:

– Знаете ли вы, что владыка Фаддей святой человек? Он необыкновенный, редкий человек. Такие светильники Церкви – явление необычайное. Но его нужно беречь, потому что такой крайний аскетизм, полнейшее пренебрежение ко всему житейскому отражаются на здоровье. Разумеется, владыка избрал святой, но трудный путь, немногим дана такая сила духа. Надо молиться, чтобы Господь укрепил его на пути этого подвига.

О деле Патриарх Тихон сказал:

– Я одобряю вашу жалобу во ВЦИК. Конечно, обольщаться не следует, надежд мало, можно сказать, почти нет, но это не должно нас останавливать и разочаровывать... Обновленцы нагледят, и все, что происходит у вас, происходит по всем городам и в Москве. Конечно, жалоба сама собой, но мы должны непрестанно просить Господа, чтобы Он послал нам Свою милость и избавил бы нас от этого церковного несчастья.

Красиков, к которому пришла делегация, встретил ее непримиримо:

– Больше ко мне не приходите, и вообще не приезжайте в Москву по мракобесным делам. Жалобу разберем без вас, и ответ получите.

По возвращении в Астрахань Кузнецов дважды наведывался к властям за справками по поводу жалобы, дважды телеграфировал в Москву Красикову, но ответа не получил. Властям, однако, надоели жалобы, и они решили избавиться от докучливого просителя. Сотрудники ГПУ произвели у Кузнецова обыск, изъяли копии жалоб и приказали явиться на другой день в ГПУ. Вечером Аркадий Ильич был у архиепископа. Тот, ободряя его, сказал:

– Завтра ничего с вами не произойдет, не бойтесь. Немножко побранят, прочтут вам лекцию, как опасно защищать Церковь, и отпустят. Я помолюсь за вас.

Наутро следователь ГПУ начал ругать Кузнецова, называя опасным сообщником врагов революции, но в конце концов отпустил.

Жалобы, посланные в Москву, возымели действие. Захваченного обновленцы не отдали, но на другие храмы больше не посягали и стали искать примирения. Обновленческий епископ Анатолий (Соколов) написал архиепископу Фаддею о необходимости примирения. Архиепископ передал через своего келейника, что он примет в общение с Церковью каждого желающего покаяться, но не признает обновленчества Церковью и не может говорить о примирении с ним. Тогда епископ Анатолий сам приехал к нему, но архиепископ Фаддей уклонился от встречи.

В августе 1924 года святой Патриарх Тихон пригласил архиепископа Фаддея приехать в Москву на праздник Донской иконы Божией Матери. Владыка отправился в сопровождении келейника и Аркадия Кузнецова. Выехали из Астрахани 29 августа, намереваясь приехать в Москву утром 31 августа, чтобы вечером участвовать в праздничном богослужении. Но поезд опоздал на сутки, и они прибыли только вечером 1 сентября, когда торжества по случаю праздника закончились. 3 сентября у архиепископа Фаддея был день тезоименитства, он служил литургию в храме Донской иконы Божией Матери, а по окончании ее Патриарх Тихон пригласил его к себе:

– Я знаю, вы, владыка, не любите торжественных приемов и многолюдных трапез, – сказал Патриарх, – так вот я пригласил вас на скромный завтрак, тем более, что хочу видеть вас в самой простой келейной обстановке.

Во время завтрака Патриарх сказал теплое сердечное слово в адрес именинника, назвав владыку светочем Церкви, чудом нашего времени.

В ответ архиепископ сказал об исповеднической деятельности Патриарха, о его мужестве и мудрости в деле управления Церковью. "Я молюсь Богу, чтобы Он сохранил вашу драгоценную жизнь для блага Церкви", – сказал он. При этих словах Патриарх прослезился.

За трапезой архиепископ неоднократно начинал разговор об обновленцах, но всякий раз Патриарх говорил: "Ну их, ну их..." – и переводил разговор на другие темы, не имеющие отношения к практическим делам. Святейшему, по-видимому, хотелось, оставив хотя бы на время все докучливые ежедневные заботы, утешиться в обществе владыки и самому духовно утешить его, тем более что дела, связанные с обновленцами, разрешить практически было нельзя. Господь попустил их за грехи прошлые многих, и теперь оставалось только терпеть.

Когда завтрак подошел к концу, Патриарх подозвал келейника и что-то тихо сказал ему. Тот вышел и вскоре вернулся со свертком.

– Ну вот, высокопреосвященнейший, – сказал Патриарх, – вам именинный подарок – по русскому обычаю. Это облачение, причем красивое и сшитое по вашей фигуре. Хотел подарить отрезом, да ведь вы такой человек – все равно... кому-нибудь отдадите... да... тут еще мантия, ведь ваша-то, поди, старенькая...

Архиепископ, принимая подарок, собирался было поблагодарить Патриарха, но тут сверток выскользнул из рук, и из него выпал красный бархатный футляр.

– Да, тут еще маленькое прибавление... Как это я забыл сказать о нем, – широко улыбаясь, сказал Патриарх.

Архиепископ открыл футляр. В нем был бриллиантовый крест на клобук^f.

Подарок Святейшего был кстати: архиепископ почти не заботился о себе и ходил в старенькой заплатанной рясе, в стареньких чиненых сапогах, имел одно облачение, но всегда был готов сказать слово утешения другому, оказать ему помощь, выслушать его. Зная, что архиепископ принимает в любое время, некоторые пользовались этим и приходили к нему рано утром. Владыка вставал с постели, наскоро умывался и одевался и безропотно принимал посетителя.

После смерти святого Патриарха Тихона в 1925 году обновленцы, добиваясь участия православных епископов в обновленческом Соборе, обратились к архиепископу Фаддею с приглашением принять участие в работе по подготовке Собора. Владыка ответил: "Имею честь сообщить, что на принятие участия в организационной работе по созыву 3-го Всероссийского Поместного Собора я не имею канонически законного полномочия".

В 1924-1925 годах в Астрахани происходили публичные диспуты на тему: "Есть ли Бог?" В качестве оппонента приглашался и архиепископ Фаддей. Первый раз лекцию читал ректор Московского университета М.М. Покровский. Диспут происходил в кинотеатре "Модерн". Апологетическая речь архиепископа вызвала шумные аплодисменты. В другой раз диспут был в театре "Аркадия". Доклад делал проректор Саратовского университета Ильинский. Архиепископ Фаддей собирался выступить после него, но вслед за Ильинским вышел постоянный лектор астраханских безбожников, допустивший оскорбительные для верующих выражения. Архиепископ немедленно встал и вышел из ложи. В президиум была послана его записка: он не намерен участвовать в собрании, лишенном научного интереса и превращенном в арену антирелигиозных анекдотов.

За все время своего пребывания в Астрахани архиепископ Фаддей ни одного слова не сказал против обновленцев публично, но пример его личной жизни был красноречивее любых слов. Идеолог обновленчества в Астрахани священник Ксенофонт Цендровский, принося покаяние в грехе раскола, сказал:

– Долго я коснел в грехе обновленчества. Совесть моя была спокойна, потому что мне казалось, что я делаю какое-то нужное и правое дело. Но вот я увидел владыку Фаддея, я смотрел на него и чувствовал, как в душе моей совершается какой-то переворот. Я не мог вынести чистого проникновенного взгляда, который обличал меня в грехе и согревал всепрощающей любовью, и я поспешил уйти. Теперь я ясно сознавал, что увидел человека, которому можно поклониться не только в душе, но и здесь, на ваших глазах.

Нравственное влияние архиепископа Фаддея на верующих было огромно. Диакон церкви села Никольского был уволен церковным советом из прихода за самогонование. Зная о близких отношениях архиепископа и Аркадия Кузнецова, он просил последнего, чтобы тот замолвил за него слово перед архиереем, уверив, что обвинение в самогоноварении – клевета. Они пошли к архиепископу. Аркадий Ильич прошел первым к владыке и рассказал, зачем пришел. Оказывается, владыка знал об этом из письма старосты.

– А он не будет варить самогонку? – спросил архиепископ.

---

^f Смиранный владыка не носил этого креста. В Твери Вера Васильевна стала напоминать ему о кресте на клобук. "Не надо, ни к чему", – ответил архиепископ. "Но вам же он дан, вам это положено", – настаивала Вера Васильевна. В конце концов она сама вырезала из белой материи крестик и нашла его на клобук.

Аркадий Ильич ответил, что это клевета, и сам диакон здесь и готов опровергнуть возводимое на него обвинение. Позвали диакона. Едва переступив порог комнаты, он бросился архиепископу в ноги.

Владыка смутился и, наклонившись, стал поднимать его за руку.

– Что вы, что вы, зачем это?

А диакон в это время громко кричал:

– Простите меня, владыка святой... я недостойный, окаянный, диавол меня попутал и завлек в этот грех...

– Даете ли вы слово, что больше не будете заниматься самогонкой? – спросил архиепископ.

Обрадованный диакон обещал. Владыка благословил его и сказал:

– Молитесь Божией Матери, чтобы Она помогла вам избавиться от этого соблазна.

Диакон исполнил данное слово. Был примерным христианином, отличался благочестием, так что через год архиепископ возвел его в сан протодиакона. Объясняя свое поведение у архиепископа, он впоследствии говорил Аркадию Ильичу: "Я лгал вам, что не варил самогона, хотел это вранье продолжить и у архиерея. Но увидев его, я понял сразу, что такому человеку лгать нельзя. Его аскетический вид, большие глаза, кроткие и проникновенные, покоряли и звали к правде Божией. Другому архиерею я солгал бы, зная, что за признание он оттаскал бы меня за волосы и другого места не дал... Данное обещание я твердо храню и со слезами вспоминаю милость ко мне этого чудесного человека".

В управлении Астраханской епархией архиепископ Фаддей почти устранился от административной части. У него не было канцелярии. Была только именная печать для ставленнических грамот и указов о назначениях и перемещениях. За всю свою архиерейскую деятельность владыка ни на кого не накладывал дисциплинарных взысканий; никто не слышал от него упрека или грубого слова. Формуляров на духовенство не велось после того, как во время революции была уничтожена консистория. Да и не было у архиепископа времени для ведения канцелярских дел. Утром и вечером служба в церкви, днем прием посетителей, постоянно толпившихся на лестнице, в коридоре и во дворе.

Соборным храмом стала для архиепископа Фаддея церковь святого князя Владимира, которая вмещала несколько тысяч верующих. Покровская церковь стала для него крестовой церковью, в ней он бывал ежедневно и почти ежедневно служил литургию. Постом архиепископ любил служить в единоверческой церкви. Все знали, что каждый день владыка где-нибудь служит. Но были у него и постоянно заведенные богослужения. В церкви Петра и Павла каждую среду он служил всенощную, в четверг – акафист Николаю чудотворцу, в пятницу – акафист Божией Матери в Покровской церкви, в воскресенье – акафист Спасителю в Князь-Владимирском соборе. После службы архиепископ беседовал. В церкви тогда стояла глубокая тишина и ощущался необыкновенный покой. Проповеди он говорил за каждой литургией, даже и тогда, когда бывал нездоров. Всего в Астрахани архиепископ произнес более трехсот проповедей и поучений, исключая многочисленные беседы после акафистов, на которых он разъяснял Священное Писание.

Денег архиепископ ни от кого не брал, и несколько приходов взяли заботу об устройстве его быта на себя. Квартиру, освещение и отопление оплачивал приход Покровской церкви, пользование пролеткой – приход церкви Иоанна Златоуста. Приход церкви Петра и Павла оплачивал расходы на продовольствие,

обувь и одежду. Деньги выдавались келейнице владыки Вере Васильевне. Церковь святого князя Владимира покупала ткани и оплачивала шитье иподиаконских стихарей и архиерейских облачений, хотя сам владыка предпочитал служить в одном и том же ветхом желтом облачении, а летом в белом, полотняном.

Питался владыка, как правило, грибным или овощным супом и овощными котлетами, в скоромные дни ему подавали рыбный суп с кусочком рыбы и немного каши. Утром он пил один стакан густого, только что заваренного чая с булочкой, а в скоромные дни булочку намазывал сливочным маслом.

Владыка был удивительно молчалив касательно всех вопросов, не имевших отношения к религиозным темам.

"Прихожу однажды к нему, – пишет в своих воспоминаниях Аркадий Кузнецов, – и говорю: "Какой ночью был ливень с громом, на улице лужи..."

Владыка смотрит на меня, о чем-то думает и говорит: "Да, да, ливень. Вот в сегодняшней Четьи-Минее рассказывается о житии праведного, Христа ради юродивого. Однажды застал его ливень в лесу..." – и владыка воодушевляется рассказом.

Воспользовавшись паузой, я говорю архиепископу: "У вас в доме крыша худая, на лестнице-то вода".

Молчание".

29 октября 1926 года ГПУ арестовало заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). В права заместителя вступил архиепископ Иосиф (Петровых); 8 декабря он издал распоряжение, в котором назначил себе заместителей по управлению Церковью: архиепископов – Екатеринбургского Корнилия (Соболева), Астраханского Фаддея (Успенского) и Угличского Серафима (Самойловича). Архиепископ Корнилий был в ссылке и не мог выполнить возложенное на него поручение, и посему в середине декабря архиепископ Фаддей выехал из Астрахани в Москву, чтобы приступить к возложенным на него обязанностям по управлению Церковью. В Саратове архиепископ был по распоряжению Тучкова задержан и отправлен в город Кузнецк Саратовской области, покидать который ему было запрещено. Только в марте 1928 года власти разрешили ему выехать из Кузнецка. Митрополит Сергий, освобожденный к тому времени из тюрьмы, назначил архиепископа Фаддея в Саратов, а в ноябре 1928 года перевел его в Тверь.

В Твери архиепископ Фаддей поселился на тихой улочке в угловом доме с крошечным садом, огороженным высоким деревянным забором. В саду вдоль забора пролегла тропинка, по которой владыка подолгу ходил и молился, особенно по вечерам. После молитвы он благословлял на все стороны город и уходил в дом.

Неподалеку от города, в селе Пречистый Бор, архиепископ снимал дачу и ездил туда, когда хотел поработать. "Многие думают, что я уезжаю на дачу отдыхать, – говорил он, – а я уезжаю работать и ложусь здесь в три часа ночи. Нужно бы секретаря, но секретаря у меня нет, я все делаю сам". Но и там верующие часто посещали его. Однажды летом рано утром к владыке приехали пять девочек четырнадцати-шестнадцати лет из числа его прихожанок. Дом, где он жил, они знали, но без благословения в столь ранний час не решились его беспокоить; отошли на опушку леса рядом с селом и расположились позавтракать. Одна девочка залезла на сосну, чтобы наблюдать оттуда, когда владыка выйдет и можно будет идти. Остальные занялись приготовлением

завтрака и вдруг слышат голос архиепископа: "Девочки, что вы тут делаете?" Оказалось, что он давно уже гулял по лесу и молился и теперь возвращался домой. Они объяснили, что приехали проведать своего владыку. Он велел собраться и идти с ним в дом. Их встретила Вера Васильевна, накормила и напоила чаем. Дети пробыли у владыки весь день.

Рассказывают, что архиепископ носил вериги, и келейнице не раз приходилось смазывать раны от них. Ради подвига, чтобы не ублажать брненное тело, он не мылся, а только обтирался.

Всех приходящих к нему он принимал с любовью, никому не отказывая, зная, что сейчас время скорбей, и кому, как не архипастырю, утешать свою паству.

Многие, видя праведную жизнь архиепископа и веря в силу его молитвенного предстательства перед Богом, шли к нему за благословением, прежде чем что-либо предпринять. И он всегда в этих случаях благословлял определенно, говоря или "да", или "нет".

По свидетельству многих прихожан, архиепископ Фаддей обладал даром прозорливости и исцеления.

Однажды пришла девушка, Зинаида, к своей подруге, чтобы позвать ее на улицу погулять, а время близилось ко всеобщей, и мама подруги, Мария Семеновна, говорит ей:

– Нет, Зина, мы идем ко всеобщей, гулять она не пойдет. Идем с нами.

– Я не пойду, я неверующая, – ответила та.

– Ну и что ж. Постоишь, там никого не выгоняют. Постоишь, посмотришь, как люди молятся, как наш владыка служит.

Зинаида согласилась. Подошло время елеопомазания, народ стал продвигаться поближе к владыке, а она говорит:

– Мария Семеновна, я не пойду, я заражусь, он одной кисточкой всех мажет.

– Тогда оставайся здесь, мы подойдем и вернемся к тебе, а кончится служба, пойдем домой.

Был большой праздник, и собор был заполнен народом. Зина сказала:

– Я потеряюсь.

И пошла вслед за ними, не собираясь подходить к елеопомазанию. Мария Семеновна дочерей пропустила вперед, хотела подойти сама, и тут владыка спустился с кафедры и, опустив крестик кисточки в освященный елей, протянул руку к Зинаиде, стоявшей в стороне, и сказал:

– Никто еще не заразился от елеопомазания, и ты не заразишься, но на всякий случай я тебя крестиком помажу.

С этого времени Зинаида стала верующим человеком и в дальнейшем старалась не пропускать ни одной праздничной службы.

Как-то пришла к владыке женщина и сказала:

– К дочке ходит богатый жених и приносит подарки. У нас завтра свадьба. Благословите.

– Подождите немного. Подождите две недели, – ответил архиепископ.

– Ну как же подождать, у нас все приготовлено: и колбасы куплены, и вино, и студень наварен.

– Нужно подождать немного, – сказал архиепископ.

Через две недели приехала жена "жениха" с двумя маленькими детьми и забрала его домой.

Вера Ефимовна Максимова и ее муж имели в городе два дома и, когда жить стало невмоготу, решили один дом продать, но прежде пошли посоветоваться к

архиепископу. Он выслушал их, помолчал и сказал: "Нет моего благословения продавать этот дом, так как он вам всем еще очень пригодится. Здесь в городе многое будет разрушено, и дом вам понадобится".

Поскорбели супруги, но решили поступить по благословию владыки. Пришлось, правда, чтобы как-то прожить, заводить в городе корову и засаживать огород. Но с Божьей помощью выкарабкались из крайней нужды. Во время войны в 1941 году один из домов сгорел, выгорела улица вокруг дома, который архиепископ Фаддей не благословил продавать, но их дом уцелел и стал пристанищем для всей семьи.

Вера Ефимовна и ее муж были лишенцами, но их не выселили из Твери в 1929 году, потому что сын Михаил был в прошлом революционером и в конце двадцатых годов занимал крупный партийный пост. В тридцатых годах он сошел с ума и был помещен в больницу как буйный. Вера Ефимовна поехала к нему. Сын встал перед ней на колени и умолял взять его домой. Она вернулась в Тверь и пошла посоветоваться к архиепископу. Владыка сказал: "Возьми немедленно, он никому из вас не принесет зла, и терпи его до самой смерти". Они сделали, как благословил архиепископ. Больной умер во время войны, перед смертью он пришел к Богу, исповедовался, пособоровался и причастился.

Как-то Вера Ефимовна поранила палец, и он у нее очень долго болел; врачи, видя, что ничто не помогает, предлагали отнять его, но она не соглашалась. Однажды, благословляя ее, архиепископ спросил, почему она ходит с завязанным пальцем. Она ответила, что он давно у нее болит, врачи предлагают отнять. Владыка взял ее за больной палец, три раза сжал, и с тех пор палец зажил.

Некоторых соблазняла близость Веры Васильевны к архиепископу. Один прихожанин был сильно смущаем этими помыслами, и вот во время всенощной, когда они особенно настойчиво донимали несчастного, архиепископ Фаддей подошел к нему и спросил:

- Ты этого греха боишься?
- Да, – ответил тот.
- И я боюсь, – сказал владыка.

Александр Куликов[§], когда ему было три года, упал и сильно расшибся. В боку образовалась опухоль. Его мать обратилась к хирургу, и тот предложил сделать операцию, хотя сам сомневался в положительном ее исходе. Сильно скорбя, мать понесла мальчика в храм к литургии. Служил архиепископ Фаддей. Со слезами мать подносила мальчика ко святой чаше. Владыка спросил, о чем она плачет. Выслушав, он сказал, что операцию делать не нужно, а нужно помазать больное место святым маслом. Она так и сделала, и мальчик вскоре поправился.

Как-то девица Татьяна пришла в храм специально посмотреть на владыку Фаддея, и внешность его ей не понравилась, показался он ей маленьким и некрасивым. А она в последнее время ходила в собор к обновленцам – ради мощей святого Михаила Тверского и библиотеки при храме. Однажды иподиакон архиепископа спросил ее:

- Почему вы не ходите в православный Вознесенский собор?
- Мне не нравится ваш владыка.
- Да ведь он прозорливый.
- Прозорливый он или нет, я не знаю, но только мне больше нравится в соборе, у мощей святого Михаила Тверского.

[§] Александр Куликов, ныне протоиерей, настоятель храма святителя Николая в Кленниках в Москве.

Вечером в воскресенье она все же пришла в Вознесенский собор. Служил архиепископ Фаддей. Она долго рассматривала его, и все равно он ей не понравился. Между тем владыка пошел кадить храм, и у него погасла свеча, он подошел к Татьяне и мягко сказал: "Зажигайте мне свечу". "Неужели он знает мои мысли?" – подумала она и решила сходить к владыке домой. На следующий день она подошла к его дому и постучалась.

– Кто там? – спросила Вера Васильевна.

– Мне хочется к владыке.

– Сейчас я спрошу, – ответила Вера Васильевна.

И затем, пройдя к архиепископу, сказала ему:

– Владыка святой, тут пришла девочка, которая около вашей кафедры стояла. В черной шапочке с розочками.

– Пусть войдет, – ответил архиепископ.

Татьяна вошла, взяла благословение, он показал ей, куда сесть, и спросил:

– Ну, что скажешь?

Что она могла сказать? И она спросила:

– А как спастись?

– Ну, как спастись... Иисусову молитву надо читать. Псалтирь. Есть у тебя? Нет? – и он подал ей новую Псалтирь. – Это тебе.

Впоследствии архиепископ сказал Вере Васильевне: "Когда бы Таня ни пришла, ей не отказывайте. Она бедная. Кто бы у меня в это время ни был, ей не отказывайте".

А у нее в то время были большие скорби. Как-то рано утром, до начала работы, Татьяна пришла к владыке рассказать о переживаемых ею несчастьях. Архиепископ выслушал, поговорил с нею, и она вдруг ощутила такую любовь ко всем и такое дружество, каких еще никогда не испытывала. А вскоре и сама причина скорбей молитвами владыки рассеялась. Вспоминая впоследствии свое состояние, Татьяна уже было начала сомневаться – да не искушение ли это? не прелесть ли? И пошла посоветоваться к Вере Васильевне. Та сказала: "А вы владыке скажите". И открыла дверь к нему в комнату. Татьяна вошла, все рассказала владыке, он выслушал ее и сказал: "Это сила действия Христова".

Проповеди архиепископ говорил за каждой литургией; из глубины души он износил тот святоотеческий дух святителей-молитвенников, который жил в нем самом, им напоялось каждое его слово. К проповедям он готовился заранее и очень тщательно. Обычно он писал их на маленьком листочке, и поскольку почерк у него был бисерно-мелким, на таком листочке умещался весь текст. Во время проповеди владыка изредка в него заглядывал. Каждую среду архиепископ читал акафист святому благоверному князю Михаилу Тверскому и проводил беседы.

Власти продолжали гонения на православных. Отобрали Вознесенскую церковь, архиепископ перешел служить в Покровскую; после того как ее отобрали, ездил в храм иконы Божией Матери Неопалимая Купина; когда закрыли и этот, стал ездить за Волгу на Волынское кладбище в единоверческий храм, где служил все воскресные дни и в праздники.

В Твери народ искренне и глубоко любил архипастыря. Для народа и духовенства он был подлинным святым наших дней. Еще издали завидев владыку, люди останавливались и кланялись ему. Он тогда просил возчика остановиться, чтобы всех благословить. Возил архиепископа один и тот же извозчик Василий. Бывало, когда он подъезжал к дому архиепископа, к нему

подходил сотрудник НКВД и говорил: "Не вози больше владыку, а то мы тебя уьем". Владыка Фаддей, узнав об этом, сказал Василию: "Не бойся, Василий, смерти не надо бояться..." Не прошло и недели после этого разговора, как Василий скончался. Теперь архиепископ ходил в храм через весь город пешком, сопровождаемый Верой Васильевной.

1936 год. Власти отбирали у православных последние храмы. Обновленцы ездили по Тверской епархии, требуя от настоятелей передачи им храмов. Но духовенство, хорошо зная своего архиепископа-подвижника и его наставления относительно обновленцев, не поддавалось ни на уговоры, ни на угрозы. 29 сентября 1936 года власти лишили архиепископа Фаддея регистрации и запретили ему служить, но владыка продолжал служить в последнем незакрытом храме за Волгой.

В декабре 1936 года митрополит Сергей назначил на Тверскую кафедру архиепископа Никифора (Никольского), но признание архиепископа Фаддея великим праведником было столь безусловно, что духовенство епархии по-прежнему сносилось с ним как со своим правящим архиереем.

Летом 1937 года начались массовые аресты; многие из духовенства и мирян во главе с жившим на покое епископом Григорием (Лебедевым) были арестованы в городе Кашине и расстреляны. Было арестовано почти все духовенство в Твери и области. Следователи расспрашивали об архиепископе. Священник села Ерзовка Митрофан Орлов после долгих и мучительных пыток в октябре 1937 года согласился подписать любые составленные следователем протоколы допросов, хотя бы в них и возводилась клевета на архиепископа Фаддея. Вызывались в НКВД в качестве свидетелей и обновленцы, которые давали показания против архиепископа.

20 декабря около восьми часов вечера сотрудники НКВД пришли арестовать архиепископа. Перерыли весь дом, обыскивали до пяти часов утра, но ни денег, ни чего-либо ценного не нашли.

Взяли панагию, кресты, потир, дароносицу, облачение, двадцать семь штук свечей, тридцать четок, духовные книги, тетради с записями архиепископа, официальные циркуляры Московской Патриархии, фотографии, два архиерейских жезла.

– На что же вы живете? – спросил сотрудник НКВД.

– Мы живем подаянием, – ответил владыка.

На допросах в тюрьме архиепископ Фаддей держался мужественно. Следователи спрашивали, как и кто помогал ему материально. Он отвечал:

– Материальная помощь передавалась мне лично в церкви в виде добродетельных подношений. Фамилии этих лиц я назвать не имею возможности, так как их не знаю.

– Ваши показания ложны. Средства вам передавались не в церкви. Следствие располагает данными об использовании по сбору средств среди ваших знакомых малолетних детей, школьников.

– Я отрицаю указанные факты и категорически заявляю, что я не использовал для сбора средств малолетних детей. Средства мною получались, как я указал, в церкви.

– Кто вами был назначен благочинным в Ново-Карельский район?

– В 1935 году мною был назначен Орлов Митрофан.

– Изложите подробно, какой разговор на политические темы у вас был с Орловым Митрофаном перед его отъездом в село Ерзовка?

– Вел ли я какой-либо разговор на политические темы, не помню.
– Какие задания антисоветского характера вы давали Орлову Митрофану?
– Антисоветских заданий я не давал, а наоборот, мной ему давались указания о том, чтобы он действовал в соответствии с существующими законами.
– Показание ваше ложно. Следствием установлено, что вы давали Орлову Митрофану задание об организации контрреволюционной деятельности.
– Показания, данные следствию, являются правдивыми. Мною никогда никаких контрреволюционных заданий не давалось.
– Вы арестованы за контрреволюционную деятельность... Признаете ли себя виновным?
– В контрреволюционной деятельности виновным себя не признаю, – твердо ответил архиепископ.

Архиепископа Фаддея поместили в камеру к уголовникам, которые издевались над ним и унижали его. Они подводили владыку к стене, а затем забирались к нему на плечи, чтобы достать до окна. Измучив, они заталкивали его под нары, и время от времени один из уголовников наполнял консервную банку нечистотами и совал под нары, говоря, чтобы владыка взял их кадило.

Он с кротостью и смирением переносил все мучения и издевательства. Лежа под нарами и непрестанно молясь, он в последние свои дни на земле смиренно нес крест, утяжеленный теперь унижением и поношением. И Мать Божия вступилась Сама за него. Однажды ночью Она явилась главарю уголовников и грозно сказала:

– Не трогайте святого мужа, иначе вы все лютой смертью погибнете.

Наутро он пересказал сон товарищам, и они бросились под нары глянуть – жив ли еще святой старец. Из-под нар их осиял ослепительный свет. Вытащив архиепископа, они все просили у него прощения. С этого дня все насмешки над ним прекратились^h.

Через десять дней после ареста Тройка НКВД приговорила архиепископа к расстрелу. Высокопреосвященный Фаддей был казнен около часа ночи 31 декабря 1937 года. Рассказывают, что владыку утопили в яме с нечистотами.

После его смерти тюремный врач предупредила православных, что вскоре владыку повезут хоронить.

2 января 1938 года. Около четырех часов дня. Скоро будет смеркаться, но еще светло. Со стороны тюрьмы через замерзшую Волгу двигались сани по направлению к кладбищу. Сопровождали их двое сотрудников НКВД. На кладбище были в это время две женщины. Они спросили:

– Кого это вы привезли?

– Фаддея вашего привезли! – ответил один из них.

Тело владыки было завернуто в брезент, но в выкопанную неглубокую яму его опустили в нижней одежде.

Весной после Пасхи 1938 года женщины раскрыли могилу и переложили тело архиепископа в простой гроб. Одна из них вложила в руку владыке пасхальное яйцо. На могиле был поставлен крест и сделана надпись, но вскоре все было уничтожено властями.

Прошло много лет. Храм, стоявший на кладбище, был разрушен, снесена и уничтожена большая часть памятников и крестов, и точное место погребения архиепископа Фаддея было утрачено.

---

^h Все эти люди остались живы, хотя некоторые из них были мобилизованы на фронт и прошли войну.

26 октября 1993 года, в день праздника Иверской иконы Божией Матери, были обретены честные останки великого русского святителя, архипастыря-мученика, архиепископа Тверского Фаддея. Ныне они находятся в Вознесенском соборе Твери. Как при жизни святого Фаддея, так и после его мученической кончины, многие обращающиеся к нему получают по его молитвам исцеления и утешения в скорбях. 18-23 февраля 1997 года Освященный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви причислил священномученика Фаддея к лику святых.

Веру Васильевнуⁱ арестовали на третий день после ареста владыки. На допросах спрашивали, что ей известно, как человеку близкому к архиепископу, о его враждебной деятельности.

– Мною за все время с его стороны никогда не замечалось какого-либо проявления враждебного отношения к советской власти.

– Как часто и кто конкретно посещал архиепископа Успенского и какие велись разговоры?

– Принимал на квартире священников, приезжавших к нему по различным надобностям.

– Кто из священников бывал у вас из Кашинского района?

– Бывали не только священники, но и прихожане, но их фамилий я не знала, так как всех физически я упомянуть не могла.

На допросах Вера Васильевна отвечала категорично:

– Я никогда и нигде контрреволюционную агитацию не вела и виновной себя в этом не признаю.

Против нее свидетельствовал обновленческий священник Колесников. Он утверждал, что Вера Васильевна называла обновленцев красными попами и пособниками советской власти. На очной ставке с Колесниковым Вера Васильевна сказала:

– Посещение священником Колесниковым архиепископа Фаддея возможно что и было, я этого не помню, но слов его я не подтверждаю, так как я, если кому и отвечала, то только так, что архиепископ не принимает, и обругать я его не могла.

14 сентября 1938 года Особое Совещание при НКВД приговорило ее к пяти годам исправительно-трудового лагеря. Ее отправили в Сибирские лагеря. Глубоко верующий человек и мужественная исповедница, Вера Васильевна Трукс умерла в лагере в 1942 году за несколько месяцев до окончания срока.

ⁱ **Вера Васильевна Трукс родилась** 14 февраля 1886 года в деревне Тамаровке Черниговской губернии. Отец ее был чех и работал у местного помещика объездчиком леса. Вера окончила двухклассное городское училище и выдержала экзамен, дававший право быть народной учительницей. С 1909 по 1923 год она работала учительницей в сельских школах. В 1909 году Вера Васильевна слушала лекции на курсах по повышению квалификации во Владимир-Волынке, где в то время жил епископ Фаддей и читал на курсах лекции по вопросам педагогики. Вера Васильевна познакомилась с ним, и впоследствии он много поддерживал ее, а когда она тяжело заболела, выхлопотал ей направление в Крым для лечения. Часть средств была казенной, а недостающие на поездку деньги епископ добавил от себя. Когда в 1921 году епископа Фаддея арестовали, Вера Васильевна вместе с прихожанами усиленно хлопотала о его освобождении. После его освобождения в 1923 году, памятуя все, чем была обязана кроткому и щедрому владыке, Вера Васильевна решила, что пора и ей отдать долг, тем более, что, вернувшись из ссылки, архиепископ нуждался в помощи. В 1923 году она поехала в Москву и обратилась к Патриарху Тихону за благословением быть келейницей у архиепископа Фаддея. Давая благословение, Патриарх сказал: “Много скорбей понесешь”.

Обретение мощей священномученика Фаддея, архиепископа Тверского

В ходе изучения жизни исповедников и мучеников XX столетия в первой половине 1980-х годов автором были опрошены свидетели, знавшие священнослужителей и мирян, пострадавших во время гонений на Русскую Православную Церковь в 1920–1930-х годах. И среди других живший на покое в городе Житомире архимандрит Спиридон (Лукич), который и сам интересовался судьбой исповедников, в особенности тех, кого он лично знал. Он с большим почитанием относился к священномученику Фаддею (Успенскому), в течение довольно продолжительного времени жившему в Житомире. Поддерживая тесные отношения с прихожанами в Твери, он собирал все, что касалось архиепископа.

Затем в самой Твери были опрошены практически все, кто прижизненно знал архиепископа Фаддея. Некоторые указывали и место его захоронения. Однако, как оказалось впоследствии, изменение вида местности, уничтожение храма иконы Божией Матери «Неопалимая Купина», который долгое время являлся важным ориентиром, привели к утрате точного места. В середине 1980-х годов на этой территории были произведены раскопки, показавшие, что место захоронения действительно обозначено неточно.

Не имея новых свидетелей, автор стал более внимательно изучать этот участок кладбища и пришел к выводу, что одно из мест все же чем-то отличается от других, как будто к нему прикасается рука человека, однако ровно настолько, чтобы не обозначить его для посторонних, словно желая это место сохранить в тайне. Учитывая, что советская эпоха еще не закончилась, такое желание было вполне естественным.

Определив место, пришлось ждать, когда оно ничем не будет отличаться от окружающей местности, и так исполнить пожелание неведомого почитателя памяти праведника. В конце концов это случилось, все признаки посещения этого места исчезли и более не возобновлялись, что позволяло сделать предположение, что человек, посещавший могилу, скончался. К этому времени изменилась уже и политическая жизнь страны, не стало и того государства, в котором жил архиепископ Фаддей, и само оно при молчаливом лицемерии на этот процесс миллионов людей распалось, и, как всегда в подобных случаях бывает, население его на окраинах снова было ввергнуто в огонь гражданской войны. Для начала работ, направленных на обретение мощей, нужно было, чтобы стала ясна воля Божия, которая могла проявиться, в частности, через верующих жителей Твери, в их желании обрести мощи священномученика.

От времени определения места предположительного захоронения священномученика прошло более шести лет, когда летом 1993 года к автору обратилась Юлия Ефимовна Топоркова (впоследствии игуменья Кашинского Клобукова монастыря Анна, перед смертью постриженная в схиму с именем Стефанида), которая попросила начать исследование по поиску места захоронения священномученика Фаддея. Нужно было взять на это благословение епархиального архиерея. В начале октября 1993 года состоялась встреча автора с правящим архиереем Тверской епархии, который также пожелал начать поиски.

К исследованию были привлечены сотрудники отдела археологии Тверского государственного объединенного музея. Работы начались 24 октября 1993 года. Автором были намечены три предположительных места захоронения, чтобы

после официального их исследования отбросить все версии, и Юлии Ефимовне было сказано, где следует начинать раскопки. Первый день дал результаты скорее археологического характера – обнаружались остатки древних построек Твери. После чего было указано второе место. Проведенные в течение второго дня раскопки также не дали желаемых результатов. Как это часто бывает, при первых же неудачах не хватает терпения, люди теряют веру, что чаемое ими осуществится. Замусоренный край кладбища при дороге и отсутствие каких-либо ориентиров действительно не внушали больших надежд на успех.

Однако автор считал, что мощи архиепископа Фаддея будут обретены. Ему было известно, что погребение проходило при свидетелях, причем две свидетельницы точно знали, в какой день привезут на кладбище тело архиепископа, третья – оказалась здесь в значительной степени случайно, придя в этот день помолиться на могиле отца. Также было известно, что архиепископ Фаддей был похоронен без гроба, в нижнем белье. Предварительными исследованиями было выяснено, что в послепасхальные дни 1938 года тюремная могила была тайно вскрыта почитателями праведника, тело архиепископа помещено в наскоро сколоченный гроб, а в его руку вложено крашеное пасхальное яйцо. О смерти последнего Тверского архиепископа, в самые кровавые годы гонений на Церковь, сразу же было сообщено Местоблюстителю Патриаршего престола митрополиту Сергию (Страгородскому), который совершил его заочное отпевание.

Автором было объяснено Юлии Ефимовне в деталях, где следует на этот раз копать. 26 октября, на третий день раскопок, рабочие натолкнулись на неординарное захоронение. Были приглашены археологи, которые и завершили работу.

В могиле, имевшей все признаки тюремного захоронения, когда при погребении не соблюдаются общепринятые обычаи, были обнаружены останки человека, погребенного в 1930-х годах. Об этом свидетельствовала, в частности, положенная в могилу монетка выпуска того времени. Останки находились в гробу, более похожем на ящик, сколоченный из тонких и узких досок. Руки человека были связаны проволокой, в одной из них оказались скорлупки от крашеного пасхального яйца. Все это совпадало с рассказами свидетелей, указывавших на обстоятельства погребения архиепископа Фаддея.

В тот же день была отслужена панихида по замученному Тверскому святителю. После этого останки были перевезены в отдел археологии Тверского государственного объединенного музея, о чем автору сообщила Юлия Ефимовна и попросила его приехать, поскольку в епархии не знали, что делать с останками дальше.

На следующий день, 27 октября, автор прибыл в Тверь, в отдел археологии, где отслужил литию по принявшему мученическую кончину архипастырю. Археологи предложили обратиться за содействием к заведующему кафедрой судебной медицины Тверского государственного медицинского института, доктору медицинских наук, профессору Виктору Сергеевичу Челнокову. Осмотрев найденные останки и сообщив после их осмотра кое-какие соображения, дававшие возможность думать, что они могут принадлежать священномученику Фаддею, он предложил сделать детальное исследование и обратиться в Москву к его учителю – заведующему отделом судебно-медицинской экспертизы Научно-исследовательского института судебной медицины Министерства здравоохранения Российской Федерации, доктору медицинских наук, профессору

Виктору Николаевичу Звягину. Виктор Николаевич блестяще провел исследование на основании анализа исторических данных и методологии, которой в этих случаях пользуются эксперты. Оно проводилось со 2 ноября 1993 года по 15 марта 1994 года, после чего был сделан вывод, что найденные 26 октября 1993 года останки являются мощами, принадлежащими священномученику Фаддею (Успенскому), архиепископу Тверскому.

После завершения исследования Тверская епархия предложила передать мощи частным порядком, что навряд ли было достойно памяти великого архипастыря. Автором было предложено сделать перенесение мощей официальным порядком, чтобы в нем могли участвовать верующие Твери, запланировав его на 30 декабря, накануне дня памяти архиепископа Фаддея. Епархия согласилась и согласовала с городскими властями место встречи мощей и маршрут крестного хода до Вознесенского собора. Автобус для перенесения мощей из Москвы в Тверь был предоставлен Александром Васильевичем Буренковым, издателем первой из серии книги «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви. Жизнеописания и материалы к ним», опубликованной в 1992 году. Однако, чтобы избежать того, что люди при возможном опоздании автобуса будут ждать на морозе на улице, что владыка Фаддей вряд ли бы одобрил, решено было приехать в Тверь накануне вечером и остановиться в доме Александра Васильевича и Александры Васильевны Буренковых, о чем, впрочем, им не было известно заранее – что перед перенесением мощей в Вознесенский собор мощи священномученика посетят их дом. Это был один из тех случаев, когда не ты сопровождаешь святыню, мощи мученика, а мученик сопровождает тебя.

Хозяйку дома в это время пришли поздравить с прошедшим днем рождения ее подруги. Поставив раку с мощами священномученика, автор предложил им: «Вы можете попросить у архиепископа Фаддея всё, что вы хотите».

Одна из подруг хозяйки воспитывала без мужа двоих детей, с которыми жила в бараке, остро нуждаясь в другом жилье, но получить его в те времена было почти невозможно: страна, объявлявшая себя социальной, уже прекратила свое существование. И она просила, стоя у мощей священномученика, чтобы он помог получить ей квартиру. Ответ не заставил себя ждать. В течение нескольких недель она получила квартиру. Но, когда началось оформление документов, то их не удавалось оформить, и в различных инстанциях даже стало утверждаться, что ей незаконно дали квартиру. Она позвонила Александре Васильевне и стала жаловаться на свою незадачу. Та спросила ее, ходила ли она к владыке Фаддею и поблагодарила ли его? После этого она сразу же пошла в собор, где находились мощи архиепископа Фаддея, и заказала по нему панихиду. После этого дело скоро уладилось. Другая подруга Александры Васильевны потеряла первого ребенка-девочку и никак не могла забеременеть. Она попросила владыку Фаддея, чтобы он умолил Бога дать им с мужем ребенка. Через год после просьбы к владыке она родила девочку. Мать хозяйки, Нина Александровна, была в это время больна, она лежала в гипсе, который врачи постановили снять через месяц-полтора ввиду сложного перелома шейки бедра. Когда на следующее утро мощи священномученика Фаддея выносили из дома, она стала просить, чтобы мощи занесли к ней в комнату, что было сделано, и она попросила, чтобы Господь по молитвам владыки Фаддея дал ей здоровье. Через два-три часа после того, как она просила о своем выздоровлении владыку Фаддея, гипс рассыпался от груди до колена. Сразу же был сделан рентген, чтобы

выяснить, нужно ли его вновь накладывать, но выяснилось, что гипс не нужен, Нина Александровна совершенно здорова; далее она могла уже сама помогать по хозяйству.

Люди попросили священномученика об исполнении своих насущных желаний, и Господь, по молитвам святого, сразу же исполнил просимое. Это было началом первых чудес, связанных с переносом святых мощей священномученика Фаддея, архиепископа Тверского, в Вознесенский собор в город Тверь.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

«Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3». Тверь. 2001. С. 481-565

Примечания

---

¹ "Глубокоуважаемый отец Ректор!

Шесть лет мы находились под вашим просвещенным руководством. Теперь вы назначены на высший пост служения, и нам настало время проститься с вами, и может быть, навсегда. Долг благодарности побуждает нас припомнить те добрые качества, которые проявляли вы в своих отношениях как к преподавателям, так и к воспитанникам семинарии.

Как руководитель учебного дела, вы проявили основательное знание богословских, философских и большей части других предметов, преподающихся в семинарии. Недоразумения преподавателей вы разъясняли вполне компетентно. Сочинения воспитанников вы прочитывали внимательно. При частой смене преподавателей вы находили возможным даже сами лично преподавать некоторые предметы. Как воспитатель юношества, вы прежде всего специально изучили вопросы педагогики и самостоятельно разрабатывали эту науку. Приобретенные таким образом убеждения вы неуклонно проводили в жизнь. И прежде всего вы считали главным местом воспитания храм Божий, а средством – богослужение. На боголепии службы церковной вы обратили свое внимание с первых дней службы вашей в семинарии: сами принимали участие в чтении и служении и постоянно заботились о стройном пении в семинарской церкви, не щадя даже личных средств. И вам действительно удалось внушить многим воспитанникам благоговейное отношение к исполнению своих обязанностей в церкви: чтение было разумное, а пение семинарского хора не уступало пению архиерейского хора. Ваше усердное и благоговейное отношение к богослужению действовало тем сильнее на воспитанников, что почти постоянно вы произносили проповеди, в которых выясняли смысл церковных торжеств и призывали присутствующих вникнуть в свое нравственное состояние. С каждым годом ваши проповеди становились глубже по содержанию и более приспособленными к духовному настроению ваших слушателей. Замечаемые вами среди воспитанников холодность к церкви, нравственная черствость, пренебрежение к высшим запросам духа и святым заветам Христа – сообщали вашим речам скорбный оттенок. С грустью вы указывали на несоответствие поведения воспитанников и их настроения с церковными идеалами и с тем служением, к которому они готовятся. Указывая на эти недостатки, вы с силою глубокого убеждения выясняли гибельность отрешения от веры и Церкви и со скорбью умоляли не забывать наставлений христианских, для собственного блага осуществлять их в жизни; и эти ваши мольбы и сетования трогали многих из ваших слушателей до глубины души. Ваши слова действовали тем сильнее, что сами вы постоянно проявляли искреннее благочестие и полную преданность уставам Церкви. Ваша учительность и пастырская ревность о спасении душ христианских проявлялась не только в семинарской церкви, но и в других храмах города Петрозаводска, а особенно в Братском Назарьевском доме, где вы с неослабевающей энергией постоянно вели собеседования с народом и заслужили безграничную благодарность от жителей города.

Затем, как воспитатель, вы благотворно действовали на воспитанников добротой и мягкостью своего характера и постоянно доступностью. Двери вашей квартиры были постоянно открыты для всех, имевших нужду видеть вас, а особенно для воспитанников. И это мягкое, сердечное отношение к учащемуся юношеству, несомненно, много содействовало тому, что последние бурные и тяжелые для духовных школ годы в нашей семинарии прошли сравнительно

спокойно, по крайней мере, Господь избавил нас от тех преступлений, какие совершались в других семинариях.

К воспитанникам вы относились как добрый отец к детям, страдали от их недостатков, но вместе с тем и под грубостью вы старались разглядеть добрые черты, и в этом добром вы искали точку опоры для исправления их недостатков. Ваше искреннее благочестие и всегда доброжелательное отношение к воспитанникам обезоруживали самых грубых из них и удерживали их в пределах благопристойности. Все это вместе, несомненно, содействовало религиозно-нравственному подъему среди воспитанников, по крайней мере тех, которые не избегали упрямо вашего влияния.

Много труда положено также вами на издание Олонецких Епархиальных Ведомостей, где вы поместили много своих произведений. Вообще всю свою ученость, всю энергию, все время вы употребляли на просвещение юношества и народа, на пробуждение совести и возбуждение религиозного чувства, на возжение того огня христианской любви и благочестия в душах других, какой горел в вашей собственной душе.

Наконец, в частных отношениях со всеми вы обращались просто и ласково. По отношению к нам, преподавателям, вы проявляли всегда добрые чувства и радушное гостеприимство. Благодаря вас за все добро, какое вы делали для семинарии и для нас лично, мы просим вас, глубокоуважаемый отец Ректор, простить нас, если мы своими поступками и словами причиняли вам оскорбления и огорчения.

Дай Бог, чтобы ваша энергия, ваша неустанная деятельность и доброта, проявленные вами при воспитании юношества в Олонецкой семинарии, проявлялись в еще больших размерах на новом месте вашего служения и принесли пользу Церкви православной там, где фанатизм католиков, поляков и других врагов православия проявляется с особою силою. Желаем вам здоровья и вполне успешного служения в новом епископском сане на далекой окраине России.

Ваше Высокопреподобие,
Глубокоуважаемый наш Председатель!

Порвалась ваша служебная почти шестилетняя связь с церковно-школьными учреждениями нашей епархии. Далекая Волынь разобьет вас со школами Олонии. Дело святительское в краю ином ставит грань вашему делу просветительному на суровом севере нашем. Настало время памяти и итогов ваших трудов у нас. И хотя для полного учета их надо было бы побольше и срока, и усилий, но нетерпеливо прощальное чувство и, пренебрегая деталями, вызывает на искреннюю речь о наиболее ярком и заметном.

Вы – убежденный сторонник и пламенный радатель церковной школы в ее подлинном существе. Ваше отношение к ней было не столько плодом служебной деловитости, сколько результатом искания в ней и поддержки того духа и направления, которые должны отличать церковную школу от всякой другой. Отсюда ваше рвение к церковности в ней, забота о поддержании ее, радость об успехах, скорбь о недочетах. Вы близко подошли к церковно-школьной сущности и не щадили ни сил своих, ни времени для школьной визитации, для курсовых занятий и особенно для широкого и тесного сближения с учительским персоналом. Труженики и труженицы церковной школы имели у вас сердечный прием, слово участия и ободрения, поддержку в нуждах. И в то же время они всегда видели в вас вдохновителя на свой труд с неизменным знаменем той же церковности. Вы были у нас подлинно работником Божиим на ниве просвещения. Мы узнали в лице вашем человека не от мира сего, с высокой, благородной, чуткой душой, – умевшего все простить, на злобу отвечать любовью скорбящего сердца, но вместе с тем твердо стоявшего за дело Божие и глубоко болевшего и страдавшего за поругание святости. И тянулась душа к вам, как воплотителю Христовой истины. Измученные тяжелою картиною людской слабости, вольного зла и невольных заблуждений, мы отдыхали и утешались, созерцая в вас тихие, греющие лучи любви, чистоты, благочестия.

Имея присущий вам огонь любви, безграничное сострадание и благоухание праведности, идите смело на высоту святительскую к тоскующим по правде душам.

От нас же вам благодарение, благожелание и низкий поклон".

(Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 25. С. 506-509)

² Одна из курсисток, учительница М.А. Лясковская, обратилась от имени всех слушательниц курсов к преосвященнейшему Фаддею с речью следующего содержания:

"Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыка!

В сегодняшней день закрытия женских педагогических курсов на мою долю выпало счастье сказать от лица курсисток несколько слов Вам, Ваше Преосвященство! Всем известно, что наша

сестра-учительница, где и в каких условиях ни приходилось бы ей работать, всегда является скромной труженицей на ниве народного просвещения. Жизненный путь ее не усеян розами, а сплошь и рядом тернием. Стезя эта полна брани и лишений. Каким же богатым запасом душевных и телесных сил должны обладать мы, чтобы при всех бурях житейского моря не захлестнула нас его волна и чтобы с бодрю душою шествовать "к пышному чертогу знания и света"? Это – идеальное стремление каждой из нас. Но как учить других, обладая ограниченным запасом знаний? Что если учительница сама не во всеоружии этих знаний? Между тем, среди темного крестьянства учительница является олицетворением самых разнообразных знаний. Ее деятельность не замыкается в рамки классов, но выходя из них, касается всех сторон и проявлений народной жизни. Добрая учительница – верный помощник такого же высокого труженика в приходе – священника, она и советница народа в затруднительных случаях жизни, она своим любвеобильным сердцем часто осушит не одну слезу своего ближнего. Что может быть выше этого счастья? Но где же, где почерпнуть силы для служения этим "малым, обиженным, обремененным"? В глубокой вере в Бога и непрестанной молитве, чтобы Он, Источник Вечной Истины, просветил нам ум и сердце. Но ведь Бог помогает только трудящимся, значит: "Молись и трудись". Трудись постоянно над своим самообразованием не покладая рук, стремись к свету знаний и, если искра Божия жива в твоём сердце, она загорится ярким светом и будет светильником горящим. Велика эта задача! Только сильные духом идут неуклонно по этому пути, слабые же часто, попытавшись раз, другой, падают. Но, упавши, не лежать же: нужно возможно скорее подняться, хотя бы и с помощью другого. Кто же протянет нам эту руку помощи? Мы знаем кто, не называть нам этих людей: имена их написаны в сердцах наших – это мудрые руководители просвещения народного. Ведь и нынешние курсы, разве не та же протянутая рука помощи? Не святое ли желание восполнить наше самообразование как в области специально педагогических, так и прикладных наук воодушевляло наших дорогих и просвещенных руководителей во главе с Вами, Преосвященнейший Владыка! Пример христианского самоотвержения был здесь воочию. "Все для Бога и ближних".

Нашему уму непостижимо, как можно два месяца сряду изо дня в день так самоотверженно, часто в ущерб здоровью, отдаваться курсам. Ваша, дорогой Владыка, чисто отеческая заботливость укрепляла и ободряла нас в этот месяц тяжелого, но сладкого труда. Вы были для нас источником нравственных сил, подавая везде и во всем пример истинно-христианской любви и терпения. Да, этот месяц постоянного духовного общения с Вами, Преосвященнейший Владыка, не пройдет бесследно для нас! Много нового успели мы усвоить за время пребывания на курсах под Вашим просвещенным руководством. На курсах нам был указан верный путь и средства к дальнейшему педагогическому совершенствованию, по которому каждая из нас может собственным трудом идти к достижению идеала хорошей учительницы.

Примите же, Ваше Преосвященство, от лица курсисток чувства глубочайшей преданности и благодарности за все Ваши чисто отеческие о нас заботы! Смиренно просим не забывать нас в своих святых молитвах, которые всегда будут духовно объединять нас в дружную семью скромных тружениц!"

Инспектор курсов, священник о. Феодор Казанский, от имени руководителей, курсисток, отцов уездных наблюдателей, соборного Владимир-Волынского духовенства и всех почитателей высказал владыке Фаддею глубокую признательность за труды на курсах, за его самоотверженность в этом деле.

"Дорогой Владыка, добрый наш наставник и руководитель! – начал он свою речь. – Сегодня, в день окончания педагогических курсов и в день последней нашей совместной молитвы в любезном нашему сердцу знаменитом мстиславовом храме, под сенью которого мы провели целый месяц, мне хочется сказать Вам несколько слов глубокой признательности, любви и благодарности за все те труды и лишения, которые вы перенесли за это время. Слабый мой язык, конечно, не может передать всего, что мы чувствуем и переживаем при окончании работы.

Много мы работали, много трудились, и трудились искренно, но пальма первенства в этом отношении принадлежит Вам, дорогой Владыка. Несмотря на Ваши многосложные архипастырские обязанности, свойственные святителю Церкви Христовой, Вы показывали нам на курсах пример неустанной, неусыпной работы, такой пример, который окрылял нас, воодушевлял и, следуя которому, мы не могли и на минуту забыть и отвлечься от столь великого дела – воспитания и обучения детей.

Слушая Ваше архипастырски учительное слово по таким трудным предметам, какие выпали на Вашу долю, – слово, соединенное с простотою изложения, искренностью и задушевностью, мы умилялись душою и восторгались, потому что мы видели в словах этих воплощение

действительности, пережитой Вами, и видели, что у Вас никогда не расходится слово с делом. Благодаря этому, силы в нас возрастали, тяжелый труд казался легким, и мы бодро смотрели вперед, надеясь, что и наши труды принесут пользу, дадут достойный плод.

Как мы уже слышали из всего ранее меня сказанного, и собравшиеся здесь месяц тому назад скромные труженицы на ниве народной – учительницы – возымили к Вам, святой Владыка, самые лучшие чувства благодарности и любви. Доселе разобщенные по разным концам Волыни, они здесь нашли объединение и подкрепление к новым трудам с новою, большею силою и новыми знаниями. И они, несмотря на множество работы, которая здесь им давалась, не приходили в уныние, а, наоборот, оживали, когда видели в лице Вас своего доброго учителя и руководителя. Ваш пример, пример неустанного труженика, побуждал и их трудиться по силам возможности. Как уставший работник, слыша слово ободрения и утешения, крепнет в работе, так и эти скромные труженицы заметно поднимались духом, слушая Ваше архипастырское учительство. Поистине Ваши слова давали могучую нравственную поддержку в труде. Как темная благодатная влага смягчит суровую почву, как светлый солнечный луч, прорвавшийся сквозь тучи, дает всем тепло и радость, как пища поддерживает и возвращает наши силы, так и Ваше слово – учителя и архипастыря, слово, повторяю, никогда не расходившееся и не расходящееся с делом, благотворно действовало на всех тружеников школьного дела.

Разве не запечатлеется в памяти великий пример, какой мы все здесь видели, пример, когда Вы, Владыка, выступали в роли учителя начальной школы на образцовых уроках. Архипастырь – учитель начальной школы... Что может быть возвышеннее и умильнее такого примера? На своих задушевных, удобопонятных уроках Вы и нас всех научили любить детей. Вопреки тем людям, которые некогда не хотели подпустить ко Христу детей, Вы не только снизили, подобно Христу, к невинным "малым сим", но и научили всех обращаться с ними чисто по-отечески. В Ваших занятиях с детьми слышался голос, обращенный к нам: смотрите, берегите детей, учите добру и правде, заботьтесь о них, влагайте все свои силы в их воспитание в духе святой Церкви, "ибо их есть Царствие Божие".

И если во исполнение слова поэта нам скажет "спасибо сердечное русский народ", то Ваш труд, Владыка, не оценим и заслуживает только одного удивления и восхищения.

Мы, свидетели благотворной Вашей деятельности для народного просвещения, вознося сегодня молитвы к престолу Всевышнего, молились и о сохранении здоровья Вашего, и продлении архипастырского служения школьному делу еще на многие, многие годы. Мы просим у Господа, да умножатся семена веры и благочестия, посеянные Вами и увлажненные любовью Вашей, а нам, смиренным соработникам, да даст Он, Милосердный, возможность поработать под мудрым руководством Вашего Преосвященства.

Как вещественный залог нашей общей любви и молитвы, примите, святой Владыка, сей священный дар с изображением лика Богородицы. Да хранит Она драгоценную жизнь Вашего Преосвященства – на радость и счастье всех тех людей, кои любят нашу школу и Церковь Божию". После речи Владыке была поднесена панагия с надписью: "Дорогому Владыке, доброму наставнику и руководителю, Преосвященнейшему Фаддею". (Волынские епархиальные ведомости. 1910. № 37. С. 670, 672-673.)

³ "1. Как быть епархии, которая потеряла бы православного архиерея?

а). Если он отпадет от православия, признавая ВЦУ?

б). Если его вовсе не будет?

В первом случае викарии должны немедленно порвать всякое церковное общение с правящим архиереем. И в том и в другом случае вступить в управление епархией со всеми правами правящего архиерея.

2. Как поступить, если в епархии вовсе не будет православного архиерея?

В таком случае каждому отдельному приходу разрешается окормляться у любого правящего архиерея другой епархии.

3. Принимать ли участие в созываемом ВЦУ Соборе?

Ни в каком случае, так как он созывается незаконною церковною властью (не Патриархом, не его Местоблюстителем).

4. Как относиться к священникам, отпавшим от православия, признавшим ВЦУ?

Прервать с ними всякое церковное общение и, согласно апостольскому преданию и церковным правилам, лучше вовсе не принимать таинства, чем принимать их от неправославных.

5. Христова ли так называемая "Живая Церковь"?

Нет, она церковь воров и разбойников. Стоящие у власти в ней перелезли через ограду. А всякий, кто вошел в церковь не дверью, тот, по словам Христа, вор и разбойник (Ин. 10, 1). Таковы

Введенский, Красницкий, Белков и другие, стоящие с ними у власти церковной. Они – церковь инквизиторов, ибо властители ее управляют не словом любви и убеждения, а террором и насилием. Справедливо и законно митрополит Вениамин (Казанский. – И. Д.) отлучил от Церкви Введенского, Красницкого, Белкова и всех, кто имеет духовное общение с ними. Это, по тридцать второму апостольскому правилу, никто, кроме митрополита Вениамина, снять с них права не имеет, даже Собор, намеченный ВЦУ, так как это не Собор, а собрание бунтовщиков. Православные, кто поет в "Живой Церкви", тот, по правилам апостольским, отлучается от Церкви Божией и, по словам Христа Бога, делается как язычник и мытарь (Мф. 18, 17). Если никто не пойдет туда, где служат живоцерковники, то их дело, как богомерзкое, само собой погибнет. Будем же неизменно послушными сынами и дочерями Церкви, и Господь дарует нам Царство Небесное. Аминь".